

КАЗАНСКІЕ ТАТАРЫ,

ВЪ

СТАТИСТИЧЕСКОМЪ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ

ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника

К. ФУКСА.

Печатано въ Университетской Типографіи.

1844.

55813.

Казанскіе Татары, въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ отъ ихъ покоренія, сохраняютъ еще такъ много собственнаго, національнаго, что заслуживаютъ особеннаго вниманія наблюдательнаго этнографа. Они всегда живутъ довольно отдѣльно отъ Русскихъ и отъ другихъ ихъ окружающихъ племенъ, предъ которыми они стараются, даже и нынѣ, поддержать то преимущество, какимъ отличались нѣкогда ихъ предки. Они гордятся своимъ происхожденіемъ, своими моральными качествами, своей религіей, своимъ домашнимъ бытомъ, что все составляетъ ихъ отличительный характеръ.

Прежде, нежели буду описывать нравы и обычаи Татаръ, я долженъ напередъ изложить нѣкоторыя статистическія замѣчанія.

Число Татаръ, живущихъ въ городѣ Казани, простирается до 6,500 ч. обоого пола. Они живутъ въ полуденной сторонѣ города, къ Волгѣ, въ двухъ слободахъ, состоящихъ изъ 786 домовъ, съ 8-ю мечетями и со столькими же шко-

лами, съ гостиннымъ дворомъ и съ магистратскимъ домомъ.

Въ числѣ сихъ жителей находится:

Купцовъ	1-й	гильдіи	—	5	семействъ
—	—	2-й	—	3	—
—	—	3-й	—	68	—

Сии 76 семействъ составляютъ:

мужеск. п. — 376 ч.

женск. п. — 375 ч.

Итого	751	ч. купеч. сост.
мѣщанъ	—	— 722 семейства
муж. п.	—	1,736 ч.
жен. п.	—	1,934 ч.

Итого — 3,670 ч. мѣщ. сост.

Всѣ сии 4,421 ч. купеческаго и мѣщанскаго состоянія, составляютъ настоящее число постоянныхъ жителей въ обихъ Татарскихъ слободахъ.

Означенное число Татаръ ежегодно умножается приходящими сюда, на время, изъ окрестныхъ Татарскихъ деревень, около 700 ч., которые нанимаются здѣсь въ работу, на Русскихъ и Татарскихъ мыльныхъ и кожевенныхъ заводахъ. Сверхъ того находятся между здѣшними Татарами, прїѣзжающіе изъ разныхъ уѣздовъ Казанской Губерніи, торговые крестьяне, незаписанные въ число Казанскихъ мѣщанъ; число ихъ нерѣдко простирается до 850 ч.

Теперь помѣщаю таблицу всѣхъ, постоянно живущихъ нынѣ въ Казани Татаръ, по лѣтамъ ихъ.

	Муж. п.	Женс. п.	Всего.
— до 5-ти лѣтъ.	385	330	715
отъ 5 до 10 —	267	241	508
— 10 — 15 —	234	237	471
— 15 — 20 —	177	241	418
— 20 — 25 —	186	226	412
— 25 — 30 —	181	219	400
— 30 — 35 —	120	141	261
— 35 — 40 —	120	145	265
— 40 — 45 —	102	131	233
— 45 — 50 —	73	106	179
— 50 — 55 —	70	91	161
— 55 — 60 —	69	90	159
— 60 — 65 —	47	52	99
— 65 — 70 —	43	27	70
— 70 — 75 —	23	17	40
— 75 — 80 —	11	9	20
— 80 — 85 —	4	1	5
— 85 — 90 —	—	3	3
— 90 — 95 —	—	—	—
— 95 — 100 —	—	2	2

Итого— 2,112 — 2,309 — 4,421.

Полагаютъ, что число Казанскихъ Татаръ, въ теченіи 40 лѣтъ, уменьшилось. Нѣкоторые думаютъ, что не содѣйствуетъ ли этому уменьшенію многоженство; однакожь, по моимъ изысканіемъ, я не могу совершенно съ этимъ согласиться. Очень немногіе изъ Татаръ имѣютъ болѣе одной жены. Я сдѣлалъ по этой части слѣдующія наблюденія :

Изъ Казанскихъ Татаръ только 55 ч. имѣють по 2 жены, только 6 ч. имѣють по 3 и только 2 ч. по 4; слѣдовательно только 63 ч. имѣють 136 женъ.

Изъ этихъ 63 браковъ нѣкоторыя, точно, совершенно бездѣтныя, какъ наприм. одинъ Татаринъ 44 лѣтъ отъ роду, имѣющій одну жену 38 лѣтъ, другую 14 лѣтъ не имѣють дѣтей; другой, которому отъ роду 62 года, имѣя двухъ женъ, одну 41 года, другую 28 лѣтъ, — также бездѣтенъ; третій — 41 г. ни отъ первой 30 лѣтней, ни отъ другой 17 лѣтней, дѣтей не имѣеть; четвертый, 26 лѣтъ отъ роду, съ двумя женами однихъ лѣтъ съ собой, также бездѣтенъ.

Однакожъ нѣкоторыя полигаміи бываютъ довольно многодѣтны. Одинъ Татаринъ, 48 лѣтъ отъ роду, получилъ отъ 3 женъ 7 сыновей и 2-хъ дочерей; другой, 45 лѣтъ, отъ 3 женъ имѣеть 4 дочери; третій, 67 лѣтъ, имѣеть отъ 4 женъ 5 сыновей; четвертый, отъ 2 женъ, имѣеть 7 сыновей и 2 дочери.

Впрочемъ, вообще у Татаръ одноженство имѣеть болѣе плодовитости, хотя въ сравненіи съ Русскими далеко несходно. Одинъ Татаринъ, отъ 1 жены, имѣеть 6 сыновей и 1 дочь; другой, также отъ одной жены, имѣеть 7 сыновей. Въ примѣръ самаго плодотворнаго брака, сколько мнѣ извѣстно, изъ здѣшнихъ Татаръ, могу поставить слѣдующій: Татаринъ, Абдуль-Гафаръ, 54 лѣтъ; его жена, Бадигиль-Замяль,

46 лѣтъ ; ихъ дѣти, сыновья : Ибрагимъ, 22 л. Ахметъ, 9 лѣтъ, Шахи-Мухамедъ, 1 г.; ихъ дочери: Биби-Фатима 29 лѣтъ, Биби-Хадыча, 25 л., Биби-Гайша, 22 л., Сарви-Замяль, 20 л., Мухабъ-Замяль, 7 л. Биби Фатиха, 3 лѣтъ.

Примѣромъ самага плодотворнаго многоженства можетъ служить семейство бывшаго Казанскаго Ахуна, Сатара Сагитова. Онъ имѣлъ четырехъ женъ, одну изъ Бухаріи и трехъ изъ здѣшнихъ Казанскихъ Татарокъ. Онъ былъ здѣшній мѣщанинъ; но, по смерти его, вдова записалась въ 3 гильдію купеч. сослов. Дѣти его были слѣдующія: дочери — Хадыча, 24 л., Зюгря, 22 л., Мавтѣоха 20 л.; сыновья: Абдуль-Кахаръ, 20 л., Хусайзанъ, 18 л., Хусайнъ, 12 л., Фахрудинъ, 11 л., Сагитдинъ, 11 л., Садыкъ, 9 лѣтъ, Абдуль-Насыръ, 7 л., Юсупъ, 4 лѣтъ.

Изъ этого уже видно, что полигамія не имѣетъ важнаго вліянія на умноженія сего народа.

Другая, по моему мнѣнію, гораздо важнѣйшая, причина, препятствующая большему умноженію народонаселенія у Татаръ, есть сильное стремленіе ихъ къ Русскимъ трактирамъ, гдѣ познакомились они съ Европейскою роскошью и пьянствомъ. Таковое стремленіе наиболее усилилось въ теченіи послѣднихъ 20 лѣтъ. Многіе Татарскіе купцы и мѣщане почти ежедневно посѣщаютъ трактиры и оставляютъ тамъ значительныя суммы денегъ. При входѣ въ трактиръ, прежде всего они требуютъ 2 или 3 рюмки

называемаго ими бальзама, настояннаго ароматными травами на самой крѣпкой водкѣ; потомъ подають имъ солянку изъ стерлядей, вкусно приготовленную, въ которую льютъ они, по своему вкусу, чрезвычайно много крѣпкаго пивнаго уксусу; послѣ сего подають имъ самое любимое ихъ питье, крѣпкое пиво. Обыкновенно одинъ Татаринъ выпиваетъ тамъ до 5 или до 6 бутылокъ, а иные даже до 12 бут. пива. За этимъ питьемъ они поютъ всегда любимыя ихъ пѣсни, и любятъ слушать музыку, особенно органы. Тутъ же они много курятъ табаку, чего дома никогда не дѣлають. Послѣ пива пьютъ чай, и каждый Татаринъ выпиваетъ до 20 чашекъ; часто, послѣ чаю, принимаются снова за пиво. Можно сказать, что здоровый Татаринъ втрое больше ѣсть и пьетъ противъ Русскаго; но за то на ихъ пирушкахъ гораздо рѣже случаются ссоры и драки, нежели у Русскихъ; а если уже случатся, то чрезвычайно трудно ихъ скоро успокоить. Высокомѣріе въ ихъ характерѣ примѣтно даже и въ этомъ положеніи.

Они чрезвычайно любятъ лакомиться: я видѣлъ, какъ одинъ Татаринъ, въ лѣтнее время, изъ окошка трактира подозвалъ къ себѣ мороженщика, съ жадностію ѣлъ мороженое, рюмку за рюмкою, такъ что наконецъ ничего не осталось у продавца. — Иногда они берутъ съ собою въ трактиръ утку, или говядины кусокъ, и отдають сварить въ солянкѣ, потому что не употребляютъ въ пищу мяса Русскаго колотья;

однакожь нѣкоторые изъ нихъ и рѣшились бы ѣсть такое мясо, но боятся, чтобы Русскіе не подложили туда свинины. Многіе изъ богатыхъ Татарскихъ купцовъ, торгующіе въ общемъ гостинномъ дворѣ, объѣдаютъ въ близъ находящемся Русскомъ трактирѣ, по причинѣ отдаленности отъ ихъ слободы.

Во время Рамазана, т. е. поста, Татары днемъ не являются въ трактирѣ, но въ сумерки идутъ туда толпами. Многіе молодые люди посѣщали бы въ это время трактиры и днемъ, если бы не боялись, по ихъ самолюбію, подвергнуться насмѣшкѣ отъ своей братьи. У нихъ есть старинный обычай, во время Рамазана, въ случаѣ невоздержности какого-либо Татарина днемъ въ пищѣ, или питьѣ, тотчасъ схватить его и представить Муль. Мулла въ ту же минуту мараеъ ему лице сажею и въ такомъ видѣ выгоняетъ на улицу, гдѣ другіе Татары, по религіозному побужденію, бьютъ его палками, или брызжутъ въ него грязью до тѣхъ поръ, пока онъ куда нибудь отъ нихъ не скроется. Недавно случилось, что одинъ Татаринъ, во время поста, днемъ вышелъ изъ кабака; Татары бросились было на него, чтобы схватить, но ему удалось убѣжать отъ нихъ въ другой кабакъ, гдѣ онъ нашель безопасное убѣжище до вечера, какъ нѣкогда преступники у Римлянъ въ ихъ храмахъ.

Я не могу умолчать объ одной изъ причинъ медленнаго умноженія Татаръ, именно, объ ихъ

склонности выбирать себѣ женъ изъ очень молодыхъ, даже незрѣлыхъ лѣтъ дѣвицъ, особенно между богачами, не смотря на строгое запрещеніе отъ Правительства. У такихъ незрѣлыхъ женщинъ всегда бывають лица блѣдныя и болѣзненныя; онѣ бывають, по большой части, или вовсе бездѣтны, или производятъ слабыхъ и скороумирающихъ дѣтей.

Многіе Татары, для избѣжанія рекрутства, приписываютъ дѣтей своихъ по разнымъ уѣздамъ, и даже въ другихъ губерніяхъ. Такимъ образомъ число Казанскихъ Татаръ уменьшается. Равномѣрно, многіе изъ Казанскихъ Татаръ, издерживая чрезвычайно много денегъ въ трактирахъ, или, по неудачному торгу въ здѣшнемъ городѣ, выходятъ изъ числа купцовъ и мѣщанъ, и сдѣлавшись торговыми крестьянами, разъѣзжаются по разнымъ уѣздамъ. Наконецъ надлежитъ замѣтить и то, что вообще Татары боятся быть избираемыми въ разныя, по службѣ, должности, даже въ званіе головы, или въ члены Ратуши. Есть примѣры, что нѣкоторые, для избѣжанія выборовъ, переселились въ города другихъ губерній.

Татарская слобода состоитъ нынѣ изъ регулярныхъ улицъ, по общему плану города; но онѣ невымощены и безъ фонарей, отъ этого, особенно осенью, тамъ бываетъ почти непроходимая грязь. Дома, по большой части, деревянные, обыкновенно о двухъ этажахъ; есть много каменныхъ, хорошо выстроенныхъ. Дома

ихъ строятся Русскими, которые работаютъ даже при поправкѣ мечетей; и на оборотъ: я часто видѣлъ, что Татарскіе мужики занимались строеніемъ деревянныхъ домовъ въ Русскихъ деревняхъ. Нижній этажъ каждаго дома служитъ вмѣсто амбара, или отдается въ наемъ; а въ верхнемъ живутъ сами хозяева. Прежде городскіе дома у Татаръ строились также, какъ деревенскіе: домъ, обыкновенно, стоялъ на срединѣ двора, а кругомъ его амбары и деревянные стѣны. Даже и теперь видно здѣсь нѣскольکو такихъ домовъ.

У Татаръ есть довольно странный обычай, что ихъ мечети и школы не могутъ быть ни строены, ни поправляемы отъ общества, но отъ одного только какого-либо богатаго челоуѣка. Вотъ, думаю, причина, почему у нихъ нѣкоторыя общественныя зданія, по наружности, такъ мало поддерживаются въ ихъ прочности.

Обыкновенно простые мѣщанскіе дома располагаются слѣдующимъ образомъ: на правой рукѣ отъ двери въ горницу стоитъ большая печь; при ней находится небольшой котель, въ которомъ варится пища. На печи стоятъ два мѣдныя, полуженные кувшина, одинъ мужу, — другой — женѣ; потому что, по обряду своему, они оба не могутъ умываться изъ одного кувшина. За печью, въ углу, находится весьма большой мѣдный тазъ для умыванья, надъ которымъ висятъ два полотенца, одно для лица и рукъ, другое для обтиранья ногъ.

Подалѣ, на право, у стѣны придѣланы широкія нары, гдѣ лежатъ довольно пышныя перины съ занавѣсомъ; впрочемъ, у иныхъ, гдѣ нѣтъ занавѣсу, перины свертываютъ и кладутъ у стѣны. Противъ двери, на право, стоитъ столъ, покрытый пестрою бумажною скатертью; а на столъ поставлено маленькое зеркало.— Влѣвъ, къ углу, также находится покрытый столъ съ чайными фарфоровыми чашками, съ мисками и нѣсколькими подносами. Около самыхъ стѣнъ нѣсколько простыхъ деревянныхъ стульевъ; самоваръ всегда стоитъ у печи. Между столами у стѣны поставлены два красиво-обитые сундука, служащіе украшеніемъ горницъ и покрытые коврами. На передней стѣнѣ, противъ дверей виситъ небольшое зеркало. У самыхъ столовъ поставлены простые ковры. На каждомъ окошкѣ стоятъ горшки съ бальзаминами и душистыми базиликами. Отъ большой печи вправо у стѣны виситъ занавѣсъ, закрывающій небольшое мѣсто; здѣсь, когда бывають у хозяина гости, всегда должна обѣдать хозяйка, чтобъ никто не могъ ее видѣть. Мужъ, обыкновенно, напередъ обѣдаетъ съ сыновьями или съ гостями, а жена только прислуживаетъ; сама же обѣдаетъ послѣ за занавѣсомъ. Въ задней половинѣ сѣней находится небольшая комната безъ печи, гдѣ лежатъ шубы, платье и разные домашніе пожитки; тутъ же льтомъ спятъ хозяева.

Дома богатыхъ Татарскихъ купцовъ, по наружности своей, мало отличаются отъ домовъ

Русскихъ дворянъ и купцовъ. Внутри дома стѣны часто расписываются Русскими малярами, гдѣ представлены ландшафты съ деревьями, съ цвѣтами, съ рѣкой; иногда представляется море съ кораблями; но никогда тамъ не увидишь ни людей, ни звѣрей, ни птицъ;—это строго запрещено. Вокругъ комнаты стоятъ стулья съ диванами по Европейски. Столы всегда покрыты пестрыми скатертями. Нѣсколько большихъ зеркаль украшаютъ стѣны. Употребленіе зеркаль началось у нихъ не такъ давно; но нынѣ каждый купецъ обращаетъ на это особенное вниманіе, какъ на необходимое украшеніе дома. Полъ покрытъ богатыми Персидскими коврами. По угламъ комнаты стоятъ комоды изъ краснаго дерева и бюро; но нигдѣ не видно въ шкафахъ серебра, какъ у Русскихъ купцовъ: ибо Татамамъ запрещено употребленіе серебрянныхъ }
 ложекъ; за то бываетъ у нихъ множество хорошаго фарфору; особенно они любятъ чайный приборъ, росписанный яркими пестрыми красками; также находится разная Китайская фарфоровая посуда, даже ложки для виду. Здѣсь также находится вещь, самая необходимая у всѣхъ Татаръ, большой мѣдный умывальный тазъ; надъ нимъ висятъ два красиво вышитыя полотенца, а повыше ихъ бѣлая чалма хозяйна, которую надѣваетъ онъ, когда идетъ въ мечеть. Почти у всѣхъ татарскихъ купцовъ стоятъ кѣтки съ Египетскими голубями, которые, вѣроятно, воркуя, напоминаютъ имъ не оста-

влять своихъ женъ. На потолокъ висятъ хрустальныя люстры, а по стѣнамъ жирандоли. По всѣмъ окошкамъ, особливо на улицу, стоятъ горшки съ лимонными деревьями, съ винными ягодами, съ геранью и особенно съ бальзамными и душистыми базиликами. На одномъ изъ столовъ положенъ алкоранъ, печатанный въ Казани, нѣрѣдко другіе дорогіе, красиво писанные алкораны и другія духовныя книги. Также висятъ стѣнные часы и нѣсколько карманныхъ, развѣшанныхъ въ разныхъ мѣстахъ по стѣнамъ. Здѣсь никогда не видно женщинъ; онѣ находятся въ заднихъ комнатахъ, куда входитъ мущинамъ не позволено. За обѣдомъ при гостяхъ прислуживаютъ мущины.

Какъ врачъ, я имѣлъ нѣсколько случаевъ пользоваться Татарскихъ женъ; расскажу одинъ изъ нихъ. Хозяинъ ввелъ меня изъ пріемныхъ комнатъ, чрезъ многія пустыя комнаты, до дверей ихъ спальни; тутъ позвалъ онъ старуху и приказалъ ей проводить меня къ больной, но самъ не пошелъ туда со мною. Пришедъ къ больной въ спальню, я увидѣлъ широкія нары, покрытыя богатыми коврами, и на нихъ множество подушекъ. Кругомъ по стѣнамъ висѣли женскія платья и богатѣйшія шубы. На мѣсто стульевъ стояло тамъ много большихъ, красиво окованныхъ сундуковъ, также покрытыхъ коврами. Моя больная лежала на перинѣ за богатымъ занавѣсомъ. Я, сколько зналъ по Татарски, просилъ ее, чтобъ она позволила мнѣ по-

щупать пульсъ; она изъ подъ занавѣса выставила мнѣ руку, которая была унизана золотыми браслетами и Голландскими червонцами; а какъ это препятствовало мнѣ сыскать пульсъ, то немалого стоило труда уговорить ее снять эти украшения. Но посмотрѣть у больной языкъ, что мнѣ всего нужнѣе было, и увидѣть чрезъ это ея красивое личико, старуха ни подъ какимъ видомъ мнѣ не позволила.

Обыкновенно пища у богатыхъ Казанскихъ Татаръ состоитъ въ слѣдующемъ. Утромъ рано пьютъ они чай и при этомъ ѣдятъ маленькіе сдобные пирожки съ говядиной, называемые пермяджь. Въ полдень къ обѣду подаютъ: 1) пельмени съ говядиной и кислымъ молокомъ (казан-бикмясы); или пловъ, изъ суховареннаго сарачинскаго пшена съ изюмомъ; 2) круглой пирогъ, называемый балышъ, съ мясомъ и сарачинскимъ пшеномъ; при чемъ подаютъ соленые огурцы; 3) жаренный гусь или утка съ картофелемъ; 4) вареная говядина съ хрѣномъ или съ сырою кислою капустою; 5) урюкъ, сначала обданный варомъ, и прохлажденный (рыкъ); 6) чай, съ маленькими сдобными пирожками, величиною съ льсной орѣхъ, называемый Баурсакъ. Въ 6 часовъ вечера снова пьютъ чай со сливками и съ сдобными пирожками, какъ и утромъ. Ужинъ состоитъ изъ пельменей и лапши.

Пища мѣщанъ и небогатыхъ Татаръ заключается въ слѣдующемъ. — Утромъ они пьютъ чай съ калачами; за обѣдомъ ѣдятъ лапшу съ говя-

диной или пельмени. Пища Татарскихъ крестьянъ: утромъ, ржаная мука, вареная въ водѣ съ солью (баламыкъ или талканъ); за обѣдомъ салма, состоящая изъ крошеного тѣста съ бараньимъ жиромъ; а лѣтомъ кислое молоко или каймакъ изъ гречневой муки въ скоромномъ маслѣ; вечеромъ, опять—болтушка изъ ржаной муки.—По праздникамъ—баранина. Въ праздникъ же, называемый Джинъ и на свадебныхъ пиршествахъ употребляютъ лошадиное мясо.

Одежда Казанскихъ Татарскихъ купцовъ такъ отлична отъ платья всѣхъ другихъ народовъ, что заслуживаетъ особеннаго вниманія. У мужчинъ: рубаха (кульмякъ) изъ ситцу, китайки или миткаля, бѣлая или красная, до колѣнъ. Исподнее платье, чрезвычайно широкое (штанъ), изъ ситцу, или изъ китайки, или иногда изъ шелковой матеріи. Чулки (юкъ) бумажные или холщевые. Ичиги (читыкъ), иногда вмѣсто чулокъ, изъ тонкаго сафьяна, желтаго или краснаго. Башмаки (калушъ), черные или зеленые. На рубахъ два камзола: маленькой камзолъ безъ рукавовъ, шелковой или парчевый; на немъ большой камзолъ (казаки эдресь) шелковой съ рукавами. Кавтанъ (чекмень), халатъ изъ нанки или изъ синяго сукна. Кушакъ (пода), шелковой. За пазухой шелковой носовой платокъ (чаулокъ.) Тебетей (такья), вышитая золотомъ; богатая въ 60 рублей, обыкновенная въ 5 рублей. Шапка (бурыкъ) бархатная, опу-

шенная какимъ нибудь мѣхомъ; у богатыхъ бобровымъ, цѣною иногда въ 400 рублей.

Каждую Субботу Татары подстригаютъ свои бороды, и бръютъ себѣ голову чрезъ двѣ недѣли. Въ Пятницу, утромъ ходятъ въ свою баню, а въ Субботу многіе въ Русскую торговую баню. — Женщины ихъ, по прошествіи каждыхъ 40 дней, должны маленькими щипцами выдергивать изъ дѣтородныхъ частей и подъ пазухой волоса, и наклеиваютъ ихъ на кусокъ сѣры. Не смотря, что эта операція довольно чувствительна и даже сопряжена съ болью, онѣ не желаютъ при этомъ употреблять бритву, чтобъ кожа на этихъ нѣжныхъ мѣстахъ не сдѣлалась жесткою. Татары думаютъ, что, при этихъ природныхъ украшеніяхъ, нельзя молиться Богу.

Одежда женская въ домахъ зажиточныхъ купцовъ слѣдующая: 1) Колпакъ шелковой съ бахрамою и позументами, цѣною въ 50 рублей. На мѣсто колпака замужнія женщины носятъ на головѣ шелковой или парчевой платокъ (занаръ чаулокъ), остроконечной, склоняющійся концомъ на правую сторону. 2) Серьги (алка-кашли, челдерли) изъ серебра, вызолоченныя, примѣрно цѣною въ 35 рублей. 3) Ожерелье (каптарма); Чага — вызолоченнаго серебра, съ камнями, особенно съ бирюзами, съ вызолоченными рублевиками, обращенными портретомъ къ тѣлу, цѣною въ 60 рублей. 4) Рубашка (кульмякъ), изъ ситца, или изъ китайки, или шелковая, пестрая, длиною до пятъ,

обшитая, около шеи и на груди, позументами; внизу съ тройными уборками и съ лентами, цѣною въ 80 рублей; а ежели изъ парчи, то стоитъ 350 рублей. 5) Панталоны (штанъ)—изъ кумача, въ 9 аршинъ, или изъ ситца въ 6 аршинъ, или изъ шелковой матеріи въ 5½ аршинъ, пестрые и широкіе. Эти панталоны у богатыхъ стоятъ 15 рублей; у женщинъ средняго состоянія 4 руб; у деревенскихъ изъ дурнаго холста въ 25 коп. 6) Ичиги—(читыкъ) ботинки сафьянные, искусно выстроченные шелкомъ, красные, желтые и зеленые, цѣною въ 9 рублей; шитые золотомъ, цѣною отъ 18 до 30 рублей. На мѣсто чулковъ онѣ обертываютъ ноги тонкимъ полотенцемъ. 7) Туфли, изъ краснаго сафьяна, шитыя золотомъ, цѣною отъ 7 до 10 рублей. 8) Кукренъ для закрыванія женскихъ грудей, изъ шелковой матеріи или парчевой, обшитой позументами, цѣною въ 10 рублей. 9) Камзоль безъ рукавовъ, длиною до кольнъ, изъ шелковой матеріи съ позументами и съ карманомъ на правой сторонѣ для носоваго платка, которой Татарки никогда не носятъ въ рукахъ, цѣною отъ 80 до 400 рублей. 10) Джиланъ парчевой или шелковой съ позументами, очень длинной и съ весьма длинными рукавами, цѣною у богатыхъ въ 2000 рублей. Нынѣ Джиланъ выходитъ изъ моды; а вмѣсто его дѣлаютъ камзоль съ длинными рукавами: у богатыхъ изъ парчи, а у бѣдныхъ изъ китайки или нанки, на лисьемъ или заячьемъ

мѣху. 11) Шелковая большая фата (Куши-чаулокъ), съ золотыми цвѣтами, простирающаяся по спинѣ и укрѣпленная надъ колпакомъ, цѣною, у богатыхъ, отъ 120 до 300 рублей. 12) Браслеты (Мерчемъ-блязекъ) изъ вызолоченнаго серебра съ надписями, съ камнями, особенно съ сердоликами и съ бирюзами, за ними нанизаны Голландскіе червонцы и нѣсколько нитокъ красныхъ коралловъ, или жемчугу, цѣною въ 3000 рублей. 13) Джюзюкъ, у богатыхъ на каждомъ пальцѣ по кольцу, изъ вызолоченнаго серебра, съ бирюзой, съ аметистами и съ жемчугомъ. Всѣ эти десять колецъ цѣною въ 500 рублей. 14) Одна длинная, часто придѣланная, черная коса, въ которую вплетены большія серебряныя монеты; на концѣ этой косы привѣшиваютъ нѣсколько серебряныхъ монетъ для брнчанія, (Чулпе). 15) Перевязь (Бути), чрезъ лѣвое плечо, съ камнями, жемчугомъ и съ имперіалами. Внизу этой перевязи на правомъ боку пришитъ карманецъ, куда кладутъ мелкописанный алкоранъ; но часто тутъ, вмѣсто мелкаго алкорана, находится кусокъ дерева. Причина сему есть та, что Татарки, охотницы часто и много пьютъ чаю, принуждены бываютъ нерѣдко ходить до вѣтру, и слѣдовательно оставляютъ свою святую книгу дома. Такая перевязь стоитъ до 3000 рублей. 16) Капотъ суконный, или нанковый, который они носятъ, набросивъ на голову и не вдѣвая руки въ рукава.

Лѣтъ 30 назадъ, у Татарокъ былъ головной уборъ, похожій на сахарную голову, изъ шелковой матеріи, покрытой Русскими вызолоченными рублевиками, съ коралломъ и съ жемчугомъ; вверху этотъ длинный конусъ оканчивался вызолоченною пуговкою. Во всемъ этомъ головномъ уборѣ вѣсу 20 фунтовъ. Этотъ костюмъ нынѣ вышелъ изъ моды.

Татарка, такъ тяжело и преобгато одѣтая, ходитъ очень дурно, какъ утка. Но здѣсь вопросъ: кому показаться въ этомъ пышномъ нарядѣ? Одному только мужу, или сестрамъ своимъ, или другимъ своимъ подругамъ: потому что женщинамъ у Татаръ не позволено показываться самому ближнему родственнику, изъ мужчинъ. Какая досада для Татарокъ!

Татарка, собирающаяся вечеромъ въ 5 часу идти въ гости, въ женскую компанію, наряжается слѣдующимъ образомъ: сперва моетъ все свое тѣло, потомъ надѣваетъ новую, чистую рубаху, натираетъ свое лицо очень густо бѣлилами и самыми яркими Китайскими румянами, всячески старается начернить брови, особенно ресницы, чтобъ глаза получили болѣе яркости; далѣе чернитъ зубы и обвязываетъ ногти составомъ, изъ Персидскаго порошка, сдѣланнымъ изъ сухихъ бальзаминовыхъ цвѣтовъ (кна), и стертыхъ съ квасцами. Этотъ составъ въ нѣсколько часовъ краситъ ногти въ оранжевый цвѣтъ. Послѣ этого косметическаго предъ Татарскимъ туалетомъ приготовленія, наряжается она

уже въ свое праздничное платье, и не забываетъ пустить нѣсколько капель розоваго масла на грудь. Такимъ образомъ отправляется она, въ повозкѣ, въ гости. Здѣсь же напередъ подходитъ къ женѣ муллы, потомъ къ женѣ пономаря (Азайчи) и къ первостатейнымъ купчихамъ, по чиноположенію, и наконецъ и къ мѣщанкамъ. Все это дѣлается безъ поклоновъ, безъ цѣлованья, а только протяженіемъ, по ихъ этикету, обвихъ рукъ, для принятія руки той особы, которую онъ уважаютъ. Ежели при этомъ обрядъ случится ей сдѣлать ошибку и подойти напередъ къ купчихъ, а потомъ къ женѣ муллы, то сія послѣдняя не даетъ уже ей, по обряду, свою руку, а поднимаетъ обѣ руки и показываетъ ей ладони, какъ знакъ полученной ею обиды.

Вообще Казанскіе Татары прекраснаго тѣлосложенія. Лице у нихъ длиноватое, глаза большіе сѣрые или черныя, взоръ ихъ пронизателенъ; носъ длинной, съ горбомъ, восточной; губы толстыя, а верхняя довольно длинна; скулы малозначущи, борода черная, искусно подстриженная, и около губъ подбрита; черепъ продолговатый и тонкій, всегда голый отъ бритья и покрытый тебетейкою; уши длинныя и отстающія отъ головы; шея очень толстая; плечи преширокия; грудь высокая. Они вообще высокорослы, и станъ ихъ необыкновенно прямъ. Походка ихъ очень важная. Тѣло у нихъ вообще бѣлое, и безъ волосъ. Многіе Та-

тары дородны и толстобрюхи. Въ бытность мою въ ихъ мечетяхъ, я часто любовался, глядя на прекрасныя значущія лица ихъ стариковъ, и, по моему мнѣнію, древніе Италіанскіе знаменитые живописцы могли бы съ нихъ взять лучшіе образцы для представленія историческихъ предметовъ изъ ветхаго и новаго завѣта.

Я не видалъ между Татарками очень красивыхъ. Ихъ держать въ заперти; слѣдственно я долженъ говорить только о тѣхъ, коихъ помѣстилъ я въ третіе отдѣленіе Татарскихъ женщинъ, т. е. о женахъ и дочеряхъ мелкихъ мѣщанъ. Онѣ средняго роста; довольно толсты; держатъ себя, какъ ихъ мущины, очень прямо, но ходятъ плохо: къ этому много содѣйствуетъ ихъ мѣшковая одежда и препятствуетъ имъ имѣть пріятную для взора наружность. Онѣ рано старѣютъ: легко можно замужней 27 лѣтней Татаркѣ дать лѣтъ 40. Причина тому, что рано выходятъ замужъ и портятъ бѣлилами и румянами свое лице, которое отъ этаго мазанья совершенно походитъ на дѣтскую, намалеванную куклу. Вообще у нихъ скулы выдаются болѣе, нежели у мущинъ, и отъ того лице дѣлается шире, такъ что мущины ихъ всегда покажутся красивѣе женщинъ. Тѣло у Татарокъ, коихъ мнѣ случалось видѣть, довольно желтовато, а кожа походитъ нѣсколько на пергаментъ и часто покрывается чешуйками и мелкою сыпью, отъ лежанья на теплыхъ, пуховыхъ перинахъ и отъ тяжелой и очень теплой ихъ одежды.

Татары горды, честолюбивы, гостеприимны, сребролюбивы, чистоплотны, по ихъ состоянію довольно просвѣщенны, почти несуетливы, рождены для торговли, хвастливы, между собою дружелюбны, искательны, вкрадчиваго свойства, во всемъ умеренны и довольно трудолюбивы.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, я имѣлъ случай быть, и иногда вздѣлъ нарочно по Татарскимъ деревнямъ, разныхъ уѣздовъ. Я всегда усердно дѣлалъ мои наблюденія, относительно ихъ нравственности, образа ихъ семейной жизни и домашняго быта. Каждый народъ имѣетъ свое хорошее и свое дурное. Равнымъ образомъ и Татары; этотъ, уже болѣе двухъ вѣковъ покоренный, и нынѣ разсыянный между Русскими, народъ, такъ удивительно умѣлъ сохранить свои обычаи, свои нравы и народную гордость, точно какъ бы они жили отдѣльно....

Самая лучшая черта есть гостеприимство; ежели позоветъ знакомый Татаринъ въ деревню къ себѣ въ гости, то можно знать напередъ, что сдѣлаешься на другой день болѣнъ... Главное угощеніе Татаръ, чай, котораго надобно выпить не менѣе четырехъ чашекъ (у небогатыхъ Татаръ съ медомъ). Потомъ ставятъ на столъ каймакъ, (самыя густыя, вареныя сливки) малиновую постилу и жареныя тоненькія лепешки. Отъ всего этого надобно непременно отвѣдать;—но этимъ не кончится. Два или три Татарина, вамъ даже незнакомые, дожидаются, чтобы позвать васъ къ себѣ. — Отговориться невозможно. — Отказомъ

чрезвычайно ихъ обидишь ; равнымъ образомъ, ежели въ гостяхъ не выпьешь три чашки чаю, и не поѣшь ихъ десерта.

Я нѣсколько разъ испыталъ эту чайную пытку ; имѣя до двадцати пяти чашекъ чаю въ желудкѣ, возвращался домой въ водяной болѣзни и долженъ былъ на другой день принимать лекарство. Я также нѣсколько разъ былъ въ гостяхъ, съ моимъ семействомъ у Татаръ, нашихъ деревенскихъ сосѣдей. Тогда ихъ гостепрѣимство показывается во всемъ блескѣ; ожидая насъ, всѣ въ деревнѣ наряжаются въ праздничныя платья: женщины, покрытыя большими платками, ждутся толпою у полевыхъ воротъ ; мушоны, которые намѣрены звать къ себѣ въ гости, встрѣчаютъ за четверть версты отъ деревни, и вотъ тутъ начинается чайная попойка. Надобно непременно побывать въ пятнадцати домахъ. Всѣ избы, куда насъ ожидали, были вымыты ; на широкихъ скамьяхъ постланы перины, разбросаны подушки ; по стѣнамъ развѣшаны лучшія женскія платья, мужскіе нанковые камзолы и халаты, и множество разноцвѣтныхъ полотенцевъ ; на столахъ постланы, ихъ издѣлья, скатерти съ красивыми узорами. Всякой зажиточный Татаринъ, имѣетъ свой самоваръ, но въ той деревнѣ, гдѣ мы были въ гостяхъ, Татары не были достаточны ; тамъ самоваръ муллы путешествовалъ съ нами изъ дому въ домъ. Послѣ угощенія, Татарки просили насъ въ поле, и тамъ показывали намъ свои игры, которыя очень незабав-

ны и непонятны. Схватываются рука съ рукою, бѣгаютъ какъ въ горѣлки; потомъ составляютъ кругъ, въ родѣ хоровада; двѣ въ кругу ходятъ, бьютъ другъ друга по рукамъ, но все безъ пѣсень, безъ пляски, иногда только разсмѣются.

Эти наши посѣщенія домовъ въ Татарской деревнѣ, всегда оканчивались послѣднимъ визитомъ къ муллѣ, гдѣ сходствовало нѣсколько съ угощеніемъ Казанскихъ Татаръ. Въ малиновой постилѣ были прибавлены изюмъ, урюкъ, черносливъ и фисташки.—Мулла всегда старается показать свою ученость, представляя намъ учениковъ. Въ другой комнатѣ, то есть за перегородкой, жена Абыза собираетъ дѣвочекъ и взрослыхъ дѣвицъ и заставляетъ ихъ пѣть суры изъ алкорана; у каждой въ рукахъ по тетрадькѣ и по указкѣ; гнусливый и протяжный ихъ напѣвъ очень неприятенъ.

Гостепріимство Татаръ очень замѣчательно. Однажды въ моемъ путешествіи изломалось у насъ что то въ коляскѣ; мы кое-какъ доѣхали до незнакомой намъ деревни. Между тѣмъ какъ чинили экипажъ, я съ моею дочерью, отъ жару, вошелъ на дворъ одного дома и остановился, у строенія, въ тѣни. Хозяинъ, увидѣвъ насъ, пришелъ къ намъ. Не зная и неспрашивая, кто мы, пригласилъ къ себѣ въ комнату и угощалъ чаемъ, не смотря что это было въ Іюль, въ два часа по полудни.

Надобно также отдать должную справедливость ихъ мулламъ (священнослужителямъ). Они

стараются Восточное просвѣщеніе распространять не только по городамъ, но и въ самыхъ бѣд-
 выхъ деревушкахъ, и въ этомъ очень успѣва-
 ютъ. Почти каждый мулла имѣетъ у себя до-
 машнюю школу; за малую цѣну учитъ маль-
 чиковъ и дѣвочекъ Арабскому языку, читаетъ и
 толкуетъ имъ Алкоранъ и нравоученіе своего
 строгаго закона, который, къ сожалѣнію, не-
 смягчаетъ сердца и неукрощаетъ жесткости и
 грубости нравовъ, что можно видѣть изъ обра-
 за ихъ жизни и ихъ свойствъ. Что Восточ-
 ное просвѣщеніе разлилось по деревнямъ, равно
 какъ и въ городѣ, это тотчасъ можно видѣть
 при вѣздѣ почти въ каждую Татарскую дерев-
 ню. Между небольшими, часто развалившимися
 избышками, вы увидите нѣсколько красивыхъ
 домиковъ; вамъ непременно пожелается войти
 въ нихъ. Войдите, васъ встрѣтитъ хозяинъ, въ
 миткалевой бѣлой рубашкѣ и Бухарскомъ камзо-
 лѣ; хозяйка, опрятно одѣтая, въ ситцевой ру-
 башкѣ, закрываетъ лице свое зиланомъ, какъ
 городская Татарка. Вы увидите на ней доволь-
 но серебряныхъ и бирюзовыхъ украшеній. Въ
 комнатѣ очень чисто; самоваръ и чайный при-
 боръ стоитъ въ шкафѣ; на широкомъ подма-
 рѣ (широкія лавки), лежатъ сложенные перины и
 подушки, и постланы Персидскіе подержанные ков-
 ры. Судя по образу жизни Русскихъ мужиковъ,
 подумаете, что этотъ Татаринъ богатъ; — нѣтъ,
 это земледѣлецъ, немногимъ богаче своего сосѣ-
 да, но уже онъ не походитъ на крестьянина

образомъ своей жизни. Онъ, ежедневно, съ своимъ семействомъ читаетъ духовныя книги, подвечеръ надъваетъ чалму и идетъ къ мечети, гдѣ обыкновенно мулла съ престарѣлыми Татарами сидитъ и важно разсуждаетъ. . . .

Мулла протягиваетъ ему ласково руку, Татары уступаютъ подлѣ муллы ему мѣсто, и онъ, пробывъ до сумерекъ, идетъ домой къ своему жирному ужину. — Дѣти его, сыновья и дочери, выучены грамотѣ, читаютъ алкоранъ и понимаютъ не хуже самого муллы. Сыновья никогда не живутъ дома; они въ продолженіе года разъѣзжаютъ по ярмаркамъ, сначала въ извозахъ на своихъ лошадяхъ, потомъ ѣздятъ съ городскими Татарскими купцами, чтобы быть при ихъ лавкахъ; они переносятъ товары, вяжутъ тюки, и такимъ образомъ пріучаются къ торговлѣ, дѣлаются прикащиками, наживаютъ капиталъ и часто выходятъ въ купцы. Дочери ихъ часто выходятъ замужъ за богатыхъ Казанскихъ Татаръ, и они за нихъ берутъ большой калымъ.

Между подобными Татарами есть очень богатые, и имѣютъ въ деревняхъ большіе дома, даже каменные. Они живутъ уже по Восточному роскошно, какъ въ Казани Татарскіе купцы, и наряжаютъ своихъ женъ въ золото, въ бирюзы и въ жемчуги. Желанье, выдти изъ состоянія мужика-земледѣльца, замѣтно у всѣхъ деревенскихъ Татаръ. Ежели у Татарина лежитъ въ коробкѣ наличныхъ двѣ, три сотни рублей, то уже онъ хочетъ отличиться отъ небогатой бра-

ти; тотчасъ строить себѣ лучше избу, завести самоваръ, начнетъ наряжать жену и чаще ходить въ мечеть.

Татары необыкновенно любятъ вѣсть сладко и жирно; я говорю необыкновенно потому, что Татаринъ, собравъ годовую пропорцію хлѣба, половину распродастъ, чтобы на вырученныя деньги купить мясо, и отъ этого на нѣсколько времени остается безъ хлѣба и съ трудомъ себѣ его добываетъ.

По моему замѣчанію, вообще Татары также усердно обрабатываютъ свою землю, какъ и всѣ въ Россіи земледѣльцы. Но между ними, вѣроятно отъ лѣности (а можетъ быть, и отъ домашнихъ, не по состоянію, расходовъ), образовался классъ людей безлошадныхъ, чего нѣтъ между Русскими, и даже между Чувашиами и Черемисами; эти безлошадные Татары во все не имѣютъ домашняго хозяйства; они всю свою пахатную землю и луга отдають въ наемъ, не держатъ у себя скота, даже ни одной овцы. Въ ихъ домахъ живутъ только однѣ женщины и ребята, а мужчины всѣ скитаются по разнымъ работамъ; нанимаются на заводы, живутъ въ работникахъ у Русскихъ мужиковъ; лѣтомъ нанимаются поденно на всѣ полевья работы. Между ними есть мастеровые, особенно плотники; но они отъ своего искусства никогда не имѣютъ барыша, по причинѣ ихъ медленности въ работѣ и роскошной пищи. По два года Татары у меня въ деревнѣ строили служ-

бы и оба раза подрядчикъ оставался, оканчивая работу, безъ копѣйки; это отъ того, что подрядчикъ безпрестано требуетъ въ передъ деньги, и покупаетъ на нихъ мясо не пудами, а живыми коровами; они ѣдятъ по три раза въ день; къ обѣду приходятъ къ нимъ жены, и нѣсколько часовъ проходитъ въ пированьи, и отъ того, что можно бы отдѣлать въ мѣсяцъ, они работаютъ три. Многіе безлошадные Татары не имѣютъ и своихъ домовъ; жены ихъ живутъ по квартирамъ, — инья въ работницахъ.

Домашній Татарскій бытъ мнѣ очень нравится, особенно тишина и миръ между женщинами, которыхъ въ большомъ семействѣ бываетъ до десяти, и иногда три жены у одного мужа. Восточные законы наложили на нихъ очень искусно печать кротости.

Татары живутъ очень опрятно. Въ ихъ избахъ чисто: они имѣютъ страсть нѣсколько разъ въ годъ бѣлить печь, что дѣлаютъ даже и въ развалившихся хижинахъ. Женщины свое хозяйство держатъ въ большомъ порядкѣ и чистотѣ; хлѣбы печь большія мастерицы; нигдѣ нѣтъ такихъ вкусныхъ и густыхъ сливокъ, какъ у Татарокъ, особенно ихъ каймакъ, варенныя сливки, густые, какъ пенка. Я видѣлъ, какъ онѣ опрятно доятъ коровъ: надвѣаютъ большой фартукъ, моютъ теплою водою у коровы вымя и молоко покрываютъ чистымъ полотенцемъ. Многіе Татары въ деревняхъ зимою коровъ не доятъ; они запасаютъ осенью

каймакъ и морозятъ въ большихъ кадкахъ вареное молоко, и, зимою, когда нужно, разогрѣваютъ и ѣдятъ. Татарское обыкновенное кушанье въ деревняхъ салма, пельмени, горохъ, забъленный сметаной. Они садятъ капусту, и ее кушаютъ охотно; но ни одинъ зажиточный Татаринъ не отобѣдаетъ безъ мяса.

Татарки большія рукодѣльницы: скатерти, платки и полотенца ихъ работы, очень красивы. Ежели у нихъ гости, или кто изъ постороннихъ, то все ихъ рукодѣлье вывѣшивается по стѣнамъ на веревочкахъ и столы накрываются разноцвѣтными скатертями.

Въ огородахъ у трудолюбивыхъ Татаръ насажено всего въ изобиліи: картофель, лукъ, свекла, морковь и капуста; всѣ эти овощи они запасаютъ на зиму.

Татары проводятъ зиму по деревнямъ, равно какъ и Русскіе мужики. У кого есть лишній хлѣбъ или сѣно, привозятъ въ Казань продавать; у кого этихъ припасовъ достаточно для своего продовольствія, тотъ сидитъ дома и занимается домашними работами, или куда либо нанимается. Ежели есть близко ихъ селеній заводы винные или поташные, тутъ ужъ всегда въ дѣйствиіи Татары; они подражаются рубить дрова, собираютъ овинную и печную золу. Многіе Татары торгуютъ; закупая въ Казани разныя бездѣлки, особенно для женщинъ, бѣлилы, румяны, мыло, возятъ и продаютъ по деревнямъ. Татары, по моему мнѣнію, имѣютъ

болѣе наклонности къ торговль, нежели къ хлѣбопашеству. Сказавъ о хорошихъ качествахъ деревенскихъ Татаръ, должно упомянуть и о дурныхъ. Я уже сказалъ, что премудрый ихъ пророкъ не умѣлъ своимъ грознымъ закономъ проникнуть въ сердца ихъ, сдѣлать ихъ мягче и наклонить къ нѣжнымъ чувствамъ; — Татары, какъ всѣ Восточные народы, очень жестокосерды, грубы, нечувствительны и очень сердиты. Когда они въ ссорѣ между собою раздерутся, то грызутъ другъ друга зубами. Довольно злопамятны и мстительны, но охотно подають милостыню и часто помогаютъ, въ случаѣ несчастія, своимъ товарищамъ.

Одна заповѣдь Магомета, не пить вино, кажется у нихъ повсюду нарушается. Въ деревняхъ Татары любятъ очень вино и напиваются допьяна, какъ и Русскіе; слѣдовательно всѣ пороки и непристойности, раждающіеся отъ пьянства не чужды и Татарамъ. Мулла ихъ однакожъ вина не употребляетъ, даже для поддержанія слабости силъ; ежели узнають, что мулла пьетъ вино, или даже пиво, то его тотчасъ отставляютъ.

Татары хитры, плутоваты и удивительно наклонны къ воровству; нигдѣ нѣтъ столько воровъ, какъ между ними, а въ судебныхъ мѣстахъ уголовнаго дѣла всего болѣе о Татарахъ. Смертоубійство бываетъ нерѣдко; но это, я думаю, отъ того, что убить Христіанина, по ихъ закону, не считается грѣхомъ.

Религіозные праздники по деревнямъ Татарскимъ отправляются съ такими же церемоніями, какъ и въ городахъ. Постъ ихъ (ураза) наблюдается съ великою строгостью, что для деревенскихъ Татаръ, занимающихся всегда работою, несносно. Въ теченіе дня, въ палящій жаръ, въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, бѣдный Татаринъ работаетъ отъ трехъ часовъ утра до десяти вечера въ полѣ, и не смѣетъ пропустить капли воды для утоленія мучительной жажды. Женщины родильницы, матери, питающія грудью своего ребенка, дѣти больные, даже лежащія на одрѣ смертномъ, не смѣютъ просить проглотить каплю воды. Въ такомъ случаѣ только даютъ больному пить, когда видятъ, что онъ уже умираетъ. Такая же строгость и на счетъ пищи.

У деревенскихъ Татаръ есть праздникъ, котораго въ городѣ нѣтъ, и зажиточный Казанскій Татаринъ (не говоря уже о купцахъ), не поведетъ смотрѣть его. Это джидинъ, который у нихъ называется тюльпою.

О женщины, женщины! Вы отъ сотворенія нашей прародительницы Эввы, до нашихъ просвѣщенныхъ временъ, покорны намъ, грубымъ мужчинамъ. Хотя утонченная свѣтская учтивость наружно и выказываетъ, какъ бы ваше владычество надъ нами; но если разобрать дѣло порядкомъ, то вы во многихъ отношеніяхъ намъ покорны. Но мы не такіе грубые и злые владычины, какъ мусульмане; мы дали вамъ свободу наслаждаться удовольствіями жизни; вы

полныя хозяйки въ домахъ нашихъ ; вы наши друзья, наши первыя консультантки. О несчастныя обитательницы угрюмага Востока!... Магометъ своимъ закономъ поступилъ съ ними жестоко, и сдѣлалъ ихъ вѣчными невольницами. Подъ этимъ игомъ живутъ и томятся наши Казанскія Татарки. Чѣмъ богаче Татаринъ, чѣмъ знаменитѣе по своей торговль, тѣмъ болѣе скрываетъ своихъ женъ; онъ только открываютъ лице въ своей спальнѣ, потому что ихъ лица запрещено видѣть даже свекрамъ, братьямъ мужа, дядямъ и ихъ дѣтямъ, однимъ словомъ каждому мужчинѣ, живущему въ домъ. Семейная жизнь этихъ богатыхъ Татарокъ очень незанимательна, скучна и единообразна. Онѣ не занимаются никакимъ рукодѣльемъ; о хозяйствѣ хлопочуть мужья или свекрови — старушки, а молодые только заботятся о нарядахъ и о своихъ желудкахъ. Богатая Татарка какъ встаетъ, такъ и наряжается въ золотое платье, набѣлить и нарумянить лице, какъ возможно болѣе, и алебастровой куклой, поджавъ ноги, сидитъ на диванѣ. Самоваръ уже передъ ней кипитъ. Она сама дѣлаетъ чай, пьетъ его до тѣхъ поръ, пока потъ стонитъ всѣ бѣлила и румяны съ лица; она намажетъ свое лице снова и идетъ ѣсть на завтракъ самыя жирныя кушанья. Опять садится на свое мѣсто. Ежели придетъ ее навѣстить подруга, снова является на столъ самоваръ, и она съ гостьей вторично пьетъ чаю столько же, какъ по утру, то есть не менѣе

семи чашекъ , а иногда и больше. Опять лице разстроилось отъ поту; надобно его подмалевать снова, чтобы къ обѣду передъ супругомъ явиться во всемъ блескѣ. Послѣ обѣда чай для Татаръ составляетъ почти необходимость; они увѣряютъ , что надобно непременно его пить для сваренія желудка послѣ жирной пищи. Напившись чаю и отдохнувши , она вздумаетъ иногда ѣхать въ гости; наряжается въ другое дорогое платье; пара лошадей, заложенныхъ въ крѣпко-кованную и яркими красками выкрашенную повозку , везетъ ее , всю закутанную , къ ея знакомой , и она , бѣдная, невыставитъ изъ подъ покрывала носа до самой горницы своей пріятельницы. Знаменитыя Татарки даже лишены воздуха. Садовъ у нихъ нѣтъ , а ежели и есть у кого, то это небольшія палисадники; туда богатая Татарка не смѣетъ выдти, не покрытая съ ногъ до головы зиланомъ , боясь встрѣтиться съ кѣмъ нибудь изъ родственниковъ, живущихъ съ ней въ одномъ домѣ. Она боится даже смотрѣть въ окошко , чтобы мимоходящіе по улицѣ ее не увидали. Когда нѣтъ проходящихъ , она бы и могла посмотрѣть на минуту въ окно , чтобы дохнуть свободнѣе , но и тутъ преграда : Татарскіе любимые цвѣты занимаютъ всѣ окошки , и на мѣсто чистаго воздуха , замѣняетъ его крѣпкій запахъ базилики . . . .

Вотъ томительная жизнь Казанскихъ перво-классныхъ Татарокъ. Но онѣ не скучаютъ его и почитаютъ себя счастливыми , удивляясь образу

жизни Европейскихъ женщинъ. По мнѣнію Татарокъ, Европейскія женщины никогда не войдутъ въ рай, уготованный праведнымъ, и потому благодарятъ Бога, что Онъ сотворилъ ихъ магометанками.

Второстепенными Татарками въ Казани назову я тѣхъ, которыя не такъ богаты, какъ первыя, или хотя и богаты, но не такъ важничаютъ. Онѣ нѣсколько позволяютъ себѣ свободы подышать чистымъ воздухомъ, то есть чаще выставляютъ носъ изъ подъ своего покрывала, сидятъ подъ окномъ и не всегда отъ него бѣгаютъ, когда увидятъ проходящихъ, развѣ проѣдетъ мимо дома богатый, значительный Татаринъ. Второстепенныя также занимаются хозяйствомъ, смотрятъ за стряпкою, иногда дѣлаютъ сами пироги и пельмени, выходятъ на дворъ смотрѣть чисто ли въ коіюшнѣ и въ коровникѣ. Тутъ онѣ не всегда закрываются при встрѣчѣ съ домашними мужчинами, выключая свекра. Въ гости часто ходятъ пѣшкомъ, выставляя при томъ носъ и одинъ глазъ.

Третій разрядъ Татарокъ дышетъ гораздо свободнѣе. Домашнее хозяйство исправляютъ сами, стряпаютъ, доятъ коровъ и ходятъ сами по надобности въ городъ, хотя и подъ покрываломъ, но часто съ полуоткрытымъ лицомъ и закрываются только, встрѣясь съ Татаринкомъ. Онѣ занимаются рукодѣліемъ; изъ нихъ есть хорошія портныя, золотошвейки, которыя вышиваютъ превосходно тебетейки, низутъ ихъ

жемчугомъ и украшаютъ камнями, также башмаки, ичегги, стоящія иногда до пятисотъ рублей.

Эти три раздѣленія мои Татарокъ можно отличить во время весенняго праздника Сабана.

Первостепенныя Татарки никогда на Сабанъ не пойдутъ. Вторыя ѣздятъ въ своихъ испещренныхъ бѣлымъ желѣзомъ и ярко выкрашенныхъ кибиткахъ, на парѣ прекрасныхъ, жирныхъ лошадей, разодѣтыя сами въ золото и жемчугъ, разбѣленыя и разрумяненыя, какъ маски, но такъ закутанныя въ покрывала, что безъ жалости невозможно на нихъ смотрѣть. Всѣ эти кибитки становятся въ лѣсу, довольно далеко отъ мѣста, гдѣ устроены праздникъ; отсюда Татарки, выставляя одинъ глазъ, смотрятъ и потѣютъ въ своихъ тяжелыхъ нарядахъ. Татарки третьяго разряда въ своихъ кибиткахъ становятся на ноги, чтобы удобнѣе видѣть веселящихся на Сабанъ. Пришедшія пѣшкомъ становятся на возвышенныя мѣста, или на козла кибитокъ къ своимъ знакомымъ, и смотрятъ изъ подъ покрывала. Никто изъ нихъ ничего не видитъ, потому что Сабанъ далеко отъ нихъ и закрытъ толпами смотрящихъ на праздникъ и экипажами.

Праздники и удовольствія во всѣхъ трехъ разрядахъ одинаковы; главныя ихъ пиры: свадьбы, Рамазанъ и Курбанъ. Тогда онѣ нѣсколько дней пируютъ по гостямъ, одѣваются въ богатѣйшія свои платья, набѣляются и нару-

мянятся, начерняютъ зубы, брови и ресницы, выкрасятъ красной краской ногти, и отправляются на пирушку, гдѣ иногда собирается до ста женщинъ и болѣе. Но какое же ихъ тамъ ожидаетъ удовольствіе? Обыкновенно кипящій двухъведерный самоваръ, который подогрѣвается при появленіи новой гостыи. Чайная попойка продолжается часа три, и, по пріѣздѣ каждой новой гостыи, чай подается опять всѣмъ гостямъ, не смотря на то, что прежде пріѣхавшія уже выпили съ дюжину чашекъ. Потомъ ставятся множество тарелокъ десерта изъ разныхъ сухихъ фруктовъ, привезенныхъ изъ Бухаріи, изъ Кяхты и изъ Ирбита. Потомъ подается ужинъ; у богатыхъ онъ страшенъ, потому что готовится до пятидесяти блюдъ; и Татарки кушаютъ, ничего не пропуская. Я былъ разъ свидѣтелемъ свадебнаго ужина, и не могъ смотрѣть безъ удивленія на ихъ необыкновенный аппетитъ. Пирушка, начинающаяся отъ вечерней молитвы до утренней, то есть, отъ пяти часовъ вечера до разсвѣта, проходитъ почти вся въ удовлетвореніи желудка, который у Татарокъ удивительно растягивается для принятія пищи. Рѣшительно, нѣтъ другаго удовольствія, кромѣ ѣды и томительныхъ разговоровъ объ нарядахъ.

Всѣ три разряда Татарокъ на пирахъ бываютъ вмѣстѣ; богатые приглашаютъ небогатыхъ и охотно бываютъ у нихъ сами, исключая тѣхъ, которыя живутъ по крестьянски и на-

нимаются въ работницы; онѣ и не входятъ въ три мои раздѣленія, потому что онѣ живутъ, какъ деревенскія Татарки.

По моему мнѣнію, деревенскія Татарки гораздо счастливѣе городскихъ. Онѣ пользуются свободою и проводятъ время, подобно нашимъ Русскимъ поселянкамъ; исправляютъ всѣ домашнія и полевья работы; лѣтомъ безпрестанно въ лѣсу, въ полѣ; зимою за пряжей, весною за тканьемъ; нѣтъ свободной минуты для скуки. Ходятъ безъ покрывала, бѣлятъ лице и намазываютъ его красками только по Пятницамъ. И отъ того то, деревенскія Татарки красивѣе городскихъ. Но богатые и въ деревняхъ страдаютъ: онѣ держатъ себя по Казански и, въ нарядныхъ платьяхъ, ничего не дѣлая, сидятъ дома...

Праздники деревенскихъ Татарокъ отправляются съ тѣми же обрядами, какъ и въ городѣ, и также отдѣльно отъ мужчинъ, но нѣсколько повеселѣе: иногда споютъ пѣсню и позволяютъ себѣ поплясать на свадьбахъ.....

Грозный законодатель Востока не позволилъ женщинамъ быть даже участницами въ молитвѣ, совершающейся въ храмѣ; но онѣ отъ того не менѣе религіозны. Не говоря о Татаркахъ знаменитыхъ, небогатые и въ деревняхъ знаютъ грамоту, и ихъ первое удовольствіе пѣть сурь изъ алкорана. Всякая Татарка съ удивительною строгостію и усердіемъ исполняетъ духовныя правила ихъ строгой религіи. Пять разъ у

Татаръ совершается въ мечетяхъ молитвы, и въ эти часы, гдѣ бы ни была Татарка, въ гостяхъ за чаемъ, за завтракомъ, въ лѣсу, въ полѣ, въ незнакомомъ ей домѣ, она, ни на что не смотря, все оставляетъ, ищетъ удобное мѣсто и совершаетъ свою молитву съ такимъ усердіемъ, что никакой шумъ, не можетъ отвлечь ее отъ молитвы и заставить оглянуться назадъ. Какъ вы думаете, при такихъ строгихъ обычаяхъ Татарскихъ женщинъ, при ихъ затворнической жизни, можетъ ли Амуръ залетѣть къ нимъ и приголубить ихъ? Да, онъ къ нимъ залетаетъ, и даже въ высокія хоромы, и срываетъ съ лица это несносное, докучливое покрывало. Я прежде не думалъ, чтобы богатыя Татарки иногда измѣняли своимъ супругамъ; но говорятъ слышится, что онъ бываютъ равнодушны къ прекраснымъ прикащикамъ своихъ мужей;—и это не мудрено, потому что старики, даже семидесятилѣтніе, имѣютъ страсть жениться на шестнадцатилѣтней дѣвочкѣ, а сами окружены красивыми молодыми прикащиками. А молоденькія Татарки, повѣрьте мнѣ, въ щелочку изъ своей комнаты и однимъ глазомъ, изъ подъ покрывала, не менѣе видятъ и отличаютъ красавцевъ, какъ наши Европейскія дамы на балахъ.... А вотъ въ третьемъ моемъ раздѣленіи Татарокъ, любовь играетъ немаловажную роль. Тутъ есть и любовныя письма, и любовныя стишки и пѣсни.

Я самъ нѣкогда испыталъ благосклонное расположение Татарокъ и получалъ отъ нихъ письма. Вотъ какъ это случилось. Приѣхавъ въ Казань, (*) я нашелъ тамъ очень много любопытнаго и описывалъ все, что могъ. Татары тотчасъ обратили на себя мое вниманіе. Я занимался ими съ усердіемъ и описывалъ ихъ религіозныя обряды, праздники, обычаи и образъ семейной жизни. Мнѣ хотѣлось проникнуть и въ ихъ чувства. На счетъ мужчинъ, это было не трудно;—но женщины? какъ до нихъ достигнуть? Встрѣчающіяся по улицамъ не могли удовлетворить моему любопытству. Долго не представлялся удобный къ тому случай. Наконецъ явилась ко мнѣ для леченія Татарка, женщина уже въ лѣтахъ, но весьма бойкая и ловкая; я тотчасъ замѣтилъ въ ней способность содѣйствовать моему намѣренію. Она доставила мнѣ случай познакомиться съ двумя молодыми Татарками. Я, разумется, не изъ предосудительнаго намѣренія, но изъ одного любопытства, началъ за ними ухаживать и успѣлъ довольно скоро услышать признаніе въ любви. Вотъ образецъ ихъ ко мнѣ писемъ:

(*) Лѣтъ тридцать тому назадъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ТАТАРСКАГО.

№ 1.

ОНЪ ЕСТЬ ТВОРЕЦЪ!

(Проза).

Любезный счастливецъ , предъ которымъ поклоняюсь ! Душа безцѣнная ! Сорвавшій страсть мою и бросившій ее въ море страданія ! Владѣющій моею душою ! Преклоняю колено предъ тобою , и хотя насъ раздѣляетъ разстоянiе , но мы близки сердцемъ ; цѣлую землю и нанизываю жемчуги молитвъ на нить строкъ , и посылаю ихъ къ тебѣ ! Ты , милосердный другъ , не оставь меня ; направь на меня ласковый взоръ , явись , моя звѣзда , освѣти меня , солнце мсе ! О живи , живи , моя радость ! Да продлитъ Богъ дни твои для меня !

(Стихи).

Завѣщанiе въ преданiи , завѣщанiе въ алкоранъ : люби Бога , люби ближняго . Кто мнѣ ближе тебя , милосердный другъ ! . . . Мой возлюбленный , пусть кушаетъ съ золотого блюда , серебряною ложкою ; пусть онъ сидитъ на стулѣ , украшенномъ драгоценными камнями ; пускай наслаждается онъ въ свѣтъ ; пускай онъ

любить меня... Ангелы живутъ на небесахъ; мой Ангелъ, ты живи со мною! Пришли ко мнѣ въсточку, до свиданья: въсточка отъ друга — половина свиданья! Твои наряды суть оружія (ты мужчина), твоя пища фрукты; а моя одежда любовь къ тебѣ, моя пища мысли о тебѣ. О Боже, Ты одинъ знаешь, какъ люблю я его!... Золотой перстень, бриліантовые браслеты недоставляютъ мнѣ радости, моя радость — ты, и одной мыслию о тебѣ могу изгнать мою тоску.

Въ саду много цвѣтковъ, въ саду много разнovidныхъ цвѣтковъ; но тотъ цвѣтокъ, который напоминаетъ мнѣ о тебѣ, мой другъ, кратковременень! Брови твои чернѣе ночи, ростъ твой красивѣе пальмы; подобные тебѣ рѣдко рождаются въ свѣтъ.

(Проза).

Ради Бога, неоставь меня, мой другъ! Вѣрь мнѣ, мой земной богъ, что безъ твоего милосерднаго вниманія — я уничтожусь и буду презирать свое существованіе.

№ 2.

Онъ есть Вседержитель!

(Проза).

Счастливыи предметъ моей любви, чернота моихъ очей, рана моего сердца! Ты, который

плънилъ меня и утопилъ мою страсть въ океанъ мученія! Предъ тобою преклоняю колѣна и издали, близкимъ къ тебѣ сердцемъ, цѣлую тебя и посылаю жемчуги поклоновъ къ тебѣ. Если ты хочешь знать о моемъ положеніи, — то знай, я нахожусь въ цѣлой страсти къ тебѣ, я мученица, я страдалица! Я ждала тебя и ждала долго; но, Богъ да проститъ тебя, ты не пріѣхалъ ко мнѣ. Я слышала, что ты нездоровъ; это извѣстіе душило меня. Да сохранить тебя Богъ! Я готова бросить все и полетѣть къ тебѣ. Ожидай меня въ четвертокъ; если я узнаю, что ты до тѣхъ поръ еще не выздоровѣлъ, то непременно полечу къ тебѣ. Пиши ко мнѣ, другъ мой, пиши и дай о себѣ знать.

(*Стихи*).

Съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣла тебя, исчезла тьма и явился свѣтъ!

Ты солнце мое, ты райское наслажденіе! Посылаю къ тебѣ жемчуги молитвъ, эссенцію моихъ желаній!

№ 3.

Ты, составляющій уголокъ моего сердца, черноту моихъ очей, другъ мой, котораго люблю, какъ душу, нѣтъ, болѣе, нежели душу! Преклоняю предъ тобою колѣна, и, цѣлуя землю, посылаю къ тебѣ дары молитвъ, убранные

жемчугами слезъ и вздохами сердца. Ты полюбуйтствуешь, какова я? Я утоплена въ моръ страсти къ тебѣ; я сжарена въ огнь любви! Что же, и чѣмъ живу я въ сей тлѣнной формѣ? Любовь къ тебѣ истерзала мое бытіе: мое сердце все въ ранахъ! О ты, красота жизни и свѣтъ очей моихъ! Незнаешь ты, что происходитъ въ моемъ сердцѣ! Это знаетъ одинъ Аллахъ. Когда я хочу говорить, то произношу одно твое имя, когда хочу думать о чемънибудь, то на умъ ничего не приходитъ, кромѣ мысли о тебѣ одномъ! придетъ ли время ѣды, въ горло ничего нейдетъ; придетъ ли время сна, очи мои не закрываются; мои мысли ни на одну минуту не могутъ жить безъ тебя! Удивленіе, верхъ удивленія! Я говорю самой себѣ: ты не можешь быть любима имъ, прибѣгни къ разсудку своему, и пожалѣй себя. Гдѣ разсудокъ? Гдѣ терпѣніе? Всѣ они поглощены страстію. Господи! за какіе грѣхи это страданіе! имѣть чувство, любить страстно, не быть любимой и не имѣть силы удержать стремленіе чувствъ своихъ! О другъ мой, если бы ты былъ въ состояніи почувствовать хотя часть моихъ страданій; то навѣрно бы ты не могъ сносить ихъ тягости?

Если, по полученіи этого посланія, ты удостоишь меня отвѣтомъ, то сочту это я, за благоволеніе свыше. Содержаніе его будетъ бальзамомъ для ранъ моего сердца, всякое слово его утѣшеніемъ.

Не знаю, что я написала; извини за безсвязіе; мои мысли не въ порядкѣ; онѣ разстроены страстію къ тебѣ. Душа моя, какъ я тебя люблю! Молись Богу обо мнѣ.

(*Стихи*).

Всѣ требованія могутъ быть удовлетворены: голодъ удовлетворяется кускомъ хлѣба, жажда глоткомъ жидкости, но моя страсть къ тебѣ — ни чѣмъ!

Увы! Ты тамъ проводишь время въ наслажденіяхъ, а я здѣсь въ стонахъ и печали; ты тамъ, какъ цвѣтокъ рая, а я здѣсь увядаю отъ грусти.

Волга течетъ быстро, быстрѣе течетъ время; но какъ мнѣ тяжелы и долги минуты разлуки! —

Отъ чего же у Татарокъ третьяго отдѣленія любовь такъ часто и отважно путешествуетъ? Этому причиною не есть свобода, которою онѣ болѣе прочихъ пользуются, но частый пріѣздъ Бухарцевъ въ Казань, которые здѣсь бывають зимою для торговли, и лѣтомъ, проѣзжая на Нижегородскую ярмарку, и живутъ по мѣсяцу, по два и болѣе. Бухарець, пріѣхавшій въ Казань, чрезъ престарѣлыхъ Татарокъ, извѣстныхъ подъ названіемъ свахъ, отыскиваетъ себѣ невѣсту, и непременно молоденькую, имѣющую не болѣе пятнадцати лѣтъ;

но и этихъ лѣтъ имъ кажется много : они требуютъ дѣвицъ тринадцати и даже двѣнадцати лѣтъ. Безъ сомнѣнія, изъ богатыхъ и посредственныхъ домовъ не отдадутъ дочерей за проѣзжающихъ Бухарцевъ. На ихъ цѣнные калымы прельщаются только недостаточные мѣщане и жертвуютъ безъ жалости своихъ дочерей. Бухарецъ, женившись на дѣвочкѣ, проживетъ съ нею, иногда не болѣе мѣсяца, и, возвращаясь домой, отдаетъ ей разводную, то есть, свободу выдти за другаго. Казанскіе Татары неохотно берутъ женъ послѣ Бухарцевъ, и пятнадцатилѣтнія вдовы по неволѣ должны принотиться подѣ крыльшко къ Амуру, особенно сироты, не имѣющія родителей и близкихъ сродниковъ.

Татарская поэзія неидетъ впередъ ; молодые люди занимаются только торговлею и заводами, а не думаютъ сочинять что нибудь, по ихъ мнѣнію, умное. Нынѣшнія ихъ стихотворенія состоятъ въ *impromptu*, а мелодія въ ихъ пѣсняхъ давно уже существуетъ. У нихъ нѣтъ стихотворцевъ. Большая часть ихъ пѣсенокъ, называемыхъ такмакъ, состоитъ изъ аллегорій и требуетъ изъясненія. Вотъ для примѣра, одна пѣсенка съ комментариемъ :

Двѣ Волги—одно море ;
Не текутъ ли онѣ равнымъ образомъ ?

Когда ты его увидишь, кланяйся ему
И скажи, что я пожелтѣла отъ огорченія.

Татары Волгу и Каму называютъ однимъ именемъ—Идель, а для отличія, даны названія одной—желтая, другой—бѣлая Идель, или Волга. Обѣ эти рѣки, соединяясь, текутъ въ Каспійское море.

Молодой Татаринъ, прежде сосватавъ за себя Татарку, отказался отъ нее, нашедъ другую побогаче. Огорченная Татарка думаетъ, что она не хуже своего жениха, подобно какъ Кама не меньше Волги. Не лучше ли, мечтаетъ она, соединиться воедино и течь вмѣстѣ въ море любви, какъ эти, равныя между собою рѣки, текутъ въ море Каспійское? Однакожъ женихъ обманулъ свою прежнюю невѣсту; она же осталась твердою въ своей любви и посылаетъ ему поклонъ, замѣчая, что она, отъ пламенной страсти своей, пожелтѣла, какъ Кама отъ вихря въ бурю.

Кстати помѣщаю здѣсь другую, подобную же пѣсенку:

Отъ ветлы до ветлы, тянулъ я шелковую нитку,
И долго тянулъ, тянулъ, — и усталъ я:
Онъ отложилъ срокъ (свадьбы) очень далеко,
Я ждалъ, ждалъ, — и соскучился.

Одинъ богатый купецъ, давъ слово своему прикащику выдать за него дочь, отложилъ время свадьбы на нѣсколько лѣтъ, чтобы прикащикъ могъ скопить сумму, потребную для заплаты калыма; этотъ долговременный срокъ влюблен-

ному прикащику показался несноснымъ, и вотъ о томъ-то и пѣлъ онъ.

Въ примѣръ простонародныхъ у Татаръ пѣсенокъ, я могу помѣстить двѣ слѣдующія :

Тонкая, тонкая ветла,
Ротъ дѣвицъ сладокъ, какъ медъ;
Когда любезная меня поцѣлуетъ,
Тогда моя головная боль проходитъ.

Или :

Ласточка куда ты летишь?
Ты повредишь свои крылышки.
Любезный куда ты летишь?
Меня здѣсь оставляешь.

ОБРАЗЦЫ НѢКОТОРЫХЪ ТАТАРСКИХЪ ПѢСЕНЪ.

I. Самыя простонародныя, неимѣющія никакой связи, никакой логики, обнаруживающія дикія мысли, необработанныя понятія и природныя способности пѣвца къ механической поэзіи.

1) Душа моя! что мнѣ принести тебѣ въ даръ? У меня нѣтъ товаровъ, изъ Бухаріи привезенныхъ. Но отъ любви къ тебѣ, душа, отъ любви къ тебѣ, — нѣтъ мочи: я не могу стоять на ногахъ!...

2) Въ садахъ Бухаріи и въ Хивѣ растетъ (одно) яблоко; единый Богъ соединитъ ли меня съ тобою?...

3) Изъ Бухаріи прилетѣвшій соловей распѣваетъ... отъ любви къ тебѣ я сошла съ ума въ нынѣшнюю зиму!

4) Конь мой свѣтло-сѣрый, гривистый конь мой, красуясь несетъ меня, красуясь несетъ меня. что за удивленіе, что за мудрость!—отъ чего любовь моя ежедневно увеличивается къ тебѣ? (Эту послѣднюю мысль можно передать слѣдующею перифразою: пускай же крыматая любовь моя, красуясь, вознесетъ меня къ другу.)

5) Свѣтъ сей освѣщается солнцемъ и луною; твоё описаніе спроси у Гурій Рая!

6) Если ты украсишь поверхность своей тебетейки цвѣтами, — то кто можетъ сравниться съ тобою въ красотѣ?

7) Цвѣты растутъ въ цвѣтникъ; между ними порхаетъ соловей; — любимая тобою если красива, то вся жизнь твоя будетъ полна пріятности!

8) Волга течетъ красива и полна; волны ея бьются объ каменистые берега;—въ свѣтъ не одна ты завидуешь, что есть и другія красавицы.

9) Я выстроилъ огромную палату съ лѣстницами; опредѣлилъ ли кому нибудь Богъ всевышній насытиться тобою?

10) Берега Волги наполнены камышами; можетъ ли это защищать кого отъ мороза? Тоскуетъ ли въ одиночествѣ красавица, опираясь на перила?..

II. Тоже простонародныя, отличающіяся лучшею мыслію и слогомъ.

1) Разсвѣтъ ли, разсвѣтъ ли теперь? видитъ ли кто нибудь разсвѣтъ теперь? Ждетъ ли кто нибудь друга, какъ я жду ее?

2) Сколько велика Волга, сколько пространства протекаетъ она, сколько Иосифъ любилъ Зюлейху, столько я люблю тебя.

3) Брови твои черны, какъ свѣтъ чернилъ Корана, твой ростъ красивъ, красота твоя совершенна; — меня съ тобою и тебя со мною соединить ли когда нибудь Господь?

4) О возьми меня и уложи меня въ колыбель; нѣтъ я не могу уснуть, не могу успокоиться, — мнѣ надо объятіе друга!

5) Я сидѣлъ подь деревомъ, когда оно было увѣнчано цвѣтами: я дремалъ подь тѣнью его, и ты была предметомъ моего сновидѣнья.

6) Я составилъ бѣлую книгу и посвятилъ ее имени моей возлюбленной; одинъ Богъ можетъ знать, сколько я люблю ее!

7) Подобная тебѣ красавица рѣдко можетъ родиться: не рожденіе чловѣка ты, ты упавшая съ небесъ!

8) Свѣтъ намъ озаряется солнцемъ и луною; ты свѣтлѣе ихъ; только развѣ Гуріи восьми разевъ (*) могутъ поспорить съ тобою.

(*) Преданіе основано на текстѣ Алкорана, который говоритъ, что у райа есть восемь воротъ; иные толкуютъ, что рай состоитъ изъ восьми отдѣленій, въ которыхъ размѣщаются блаженные, смотря по ихъ достоинствамъ:

9) Лице земное покрыто лѣсомъ , покрыто лѣсомъ; оно не въ состояніи будетъ препятствовать нашему соединенію, если Богъ сего желаетъ; мы соединимся, описавъ пространный кругъ, какъ планеты.

10) Я не боюсь ни врага, ни его посланія; но боюсь твоего гнѣва: освѣщай меня своими веселыми очами.

3. Нѣкоторыя Башкирскія пѣсни:

1) Лучшія изъ лошадей суть быстроногія; лучшія изъ платьевъ тѣ, которыя дѣлаются изъ мѣха чернобурой лисицы. Сего дня жизнь, завтра смерть: давайте же, повеселимся!

2) Хочешь ли ты притворить райскія двери? Хочешь ли разсмотрѣть цвѣты, тамъ гордящіеся? такъ любовью увлеченный, взгляни на бесѣду красавицы, разсмотри цвѣтушія ихъ груди!

3) На столѣ свѣча горитъ; вокругъ стола красавицы ходятъ; длинныя ресницы моей любовной, содержатъ въ себѣ въ каждомъ глазу по 81 стрѣль, почти покрываютъ прелестныя ея щеки!

Первое отдѣленіе, на примѣръ, принадлежитъ избраннымъ пророкамъ съ ихъ семействами, между коими главную роль играетъ семейство Махоммеда, и такъ далѣе.

4) Она глядитъ изъ окна, убирая свои длинныя косы; — не только однимъ лицомъ прельщаетъ ее видящихъ, но она плывяетъ еще своею резвостію!

5) Она глядитъ изъ окна, грудь ея украшена жемчугами; о, если на семь свѣтъ созданіе благороднѣе ея?

6) На небѣ сіяютъ яркія звѣзды Господа; ты покинешь ихъ, когда увидишь мою звѣзду прелестную; у ней черныя брови, черные глаза; у ней ресницы, о что за ресницы! Ты бы не глядѣлъ на бобра Камчатскаго!

7) Когда ты плыла по Волгѣ, зачѣмъ ты пила воды, если тебѣ пить не хотѣлось? простирая свое объятіе, за чѣмъ ты меня прижала къ груди своей, если ты меня не любила?

8) Въ саду растутъ лучшія яблоки; яблоко моего лица пожелтѣло отъ моей долговременной любви къ ней.

9) По утрамъ, по днямъ я питаюсь запахомъ моего цвѣтка; по ночамъ же я наслаждаюсь сновидѣніями о моей любезной.

10) Когда я шатался по улицамъ, то предметомъ моего изслѣдованія была ты; когда я постился, когда я сдѣлалъ обѣщаніе и молился; то предметомъ моихъ моленій была ты!

4. Посланіе.

Образецъ Татарскихъ Стихотвореній, принадлежащей къ роду Мюреббá, т. е. четырести-

шіе, въ которомъ всѣ четыре стиха имѣютъ одинаковую рифму. Мѣра стиха: Мефаилюнъ,, Мефаилюнъ изъ моря“ (такъ называютъ каждую форму мѣръ (metre) въ скандсіи) Тезеджъ.

1) О душа моя, свѣтъ моихъ очей! Свѣтъ моихъ очей исчезаетъ, когда гляжу я на тебя: ибо ты Гурія райская!

2) О душа моя, уголокъ моего сердца, чернота моихъ очей! Я не могу сносить твоего взора; я слабью, — я схожу съума.

3) О душа моя, мое сокровище! Ты единственный другъ мой на семъ свѣтъ: если бы тебя даль мнѣ Господь, то пламя моего сердца успокоилось бы.

4) Лице твое — полная луна; брови твои съ ресницами — эмблеммы лука и стрѣлы: кто на тебя взглянетъ, поразится; на кого ты взглянешь, тотъ пораженный лишится сердца!

5 и 6) Я спросилъ у Мулъ: естьли средства отъ болѣзни внутренней? Они на меня глядѣли и сказали: что съ тобою? ты весь горшишь, — у тебя жаръ; я открылся имъ: я сказалъ, что я влюбленъ!

7) О душа моя, если бы ты постигла мое положеніе, если бы ты знала, сколь я тебя люблю, то не отказала бы мнѣ въ своемъ вниманіи; ты полюбила бы меня.

8) Любовью къ тебѣ, душа моя, я весь сжегся, я утомился, я уничтожился! Неужели ты не захочешь знать это!

9) Будь великодушна, будь милостива, не убивай меня, не уничтожай меня!

10) Я оканчиваю свою рѣчь, я оканчиваю свое посланіе; я утопаю въ морѣ любви, я то-ну, я погибаю, смилуйся, о душа моя!

Это посланіе состоитъ изъ 19 куплетовъ, изъ коихъ я выбралъ только 10.

Изъ всѣхъ семейныхъ праздниковъ роскошнѣе Татары празднуютъ свадьбы. Не говоря уже о богатыхъ и зажиточныхъ, даже бѣдные жертвуютъ послѣднимъ рублемъ для угощенія своихъ товарищей . . . .

Я имѣлъ случай видѣть эти пышныя пирушки и участвовалъ въ нихъ, какъ первый гость. Вотъ Татарская свадьба, съ самаго ея начатія. Известно, что законъ Магометанъ запрещаетъ видѣть женщинъ, и даже жениху свою невѣсту.

Многіе, неимѣющіе случая взглянуть на дѣвушку, которую задумаютъ сватать, женятся, не выдавъ ее; однако проворные молодцы и любопытныя дѣвушки чрезъ посредство росторопныхъ женщинъ, называемыхъ свахами, часто находятъ случай взглянуть на своихъ суженыхъ, но только взглянуть тайкомъ, а не повидаться. Сваха скажетъ дѣвушкѣ, въ какое время пройдетъ молодецъ мимо дома, и та дожидается за косякомъ окошка, и увидя его, высматриваетъ пристально однимъ глазомъ, изъ подъ покрывала. Жениху также скажетъ сваха, когда невѣста бу-

детъ сидеть у окошка, или, когда она будетъ въ гостяхъ у своей подруги, гдѣ онъ знакомъ въ домъ; и тогда откроетъ ему щелочку, гдѣ бы онъ могъ взглянуть на свою невѣсту . . . Такимъ образомъ увидавши свою суженную, молодець отправляетъ въ тотъ домъ съ предложеніемъ свахи, которая бываетъ или пожилая небогатая Татарка, изъ родственницъ, или посторонняя женщина, занимающаяся этимъ дѣломъ, и слышущая подъ именемъ свахи, по-Татарски яучи. Согласіе, или отказъ обыкновенно объявляется при первомъ посѣщеніи.

Въ случаѣ согласія, на другой день между родными бываетъ договоръ о калымѣ, который у богатыхъ Татаръ въ Казани назначается отъ трехъ до пяти тысячъ рублей, смотря по состоянію жениха и невѣсты. Въ деревняхъ у зажиточныхъ отъ двухъ до пяти сотъ рублей, у бѣдныхъ отъ пятидесяти до ста рублей. Половина калыма платится при помолвкѣ; на эти деньги невѣста дѣлаетъ себѣ наряды и блестящія украшенія. Другая половина калыма удерживается на случай развода, послѣ свадьбы. Законъ Магометанскій позволяетъ разводъ мужа съ женою, или жены съ мужемъ, когда угодно; мулла тотчасъ даетъ разводное письмо, и они опять свободно могутъ жениться, или выходить замужъ. При этомъ случаѣ поступается слѣдующемъ образомъ. Если пожелаетъ бросить свою жену Татаринъ; то онъ обязанъ при

разводъ отдать ей половину оставленнаго калыма; ежели пожелаетъ развѣстись жена, тогда она должна возвратить половину калыма, отданнаго ей при помолвкѣ.

Съ самаго дня помолвки женихъ ежедневно посылаетъ своей невѣстѣ подарки: наряды и разныя украшенія изъ золота, серебра, жемчуга и каменьевъ, разумѣется, каждый по своему состоянію. — Но въ день свадьбы, всегда женихъ отправляетъ къ невѣстѣ, каково бы состояніе того и другой ни было, кадку меда и кадку топленаго коровьяго масла. Масло и медъ составляютъ какую то необходимую принадлежность къ свадебнымъ обрядамъ. Этимъ блюдомъ начинается свадебный пиръ, и также обѣдъ по случаю новорожденнаго первенца. На одно блюдо накладывается медъ, на другое масло, и оба подаются гостямъ, которые берутъ того и другаго по большой порціи, намазываютъ вмѣстѣ на хлѣбъ и кушаютъ съ большимъ аппетитомъ.

Свадебные пиры у Татаръ начинаются за недѣлю или ранѣе, до совершенія брака, и празднуются ежедневно въ домахъ у жениха и у невѣсты; одинъ день у жениха, другой у невѣсты; одинъ день пируютъ мужчины, другой женщины.

Женихъ до дня свадьбы не ходитъ на пиры къ невѣстѣ, которая никогда не участвуетъ въ пированіи съ гостями и всегда сидитъ въ особенной комнатѣ; Татарки навѣщаютъ ее только на короткое время.

Угощеніе мужчинъ на свадебномъ пиру я могъ видѣть всегда, когда желалъ; но видѣть женскую пирушку не было ни малѣйшей возможности; при всемъ моемъ стараніи я оставался безъ успѣха нѣсколько лѣтъ. Наконецъ неожиданный случай удовлетворилъ мое любопытство. Я вымечилъ одну богатую Татарку отъ продолжительной, жестокой болѣзни, и она, изъ признательности, готова была для меня сдѣлать, все что только могла. Въ продолженіе моего пользованія, сынъ ея сговорилъ невѣсту. Въ награду за леченіе, я просилъ Татарку, позволить мнѣ посмотрѣть на женскую свадебную пирушку. Моя Татарка выслушавъ меня, вздрогнула отъ испуга, и едва понимая меня по-Русски, всячески объясняла невозможность того; я успѣлъ однако уговорить ее, пользуясь надъ ней медицинскою властію, Согласію ея на это содѣйствовало и то, что она была вдова и старшая въ домѣ. При всемъ томъ она заклинала меня хранить ея обѣщаніе въ тайнѣ; и между тѣмъ, вотъ какимъ образомъ устроился нашъ планъ. Она пригласила на свадебный пиръ мою жену и назначила, чтобъ я съ ней пріѣхалъ въ сумерки, обѣщая встрѣтить насъ на лестницѣ. Такъ и было сдѣлано. Она провела насъ въ комнату, въ которую, для удобнаго помѣщенія гостей, были вынесены сундуки изъ всѣхъ другихъ комнатъ. Всѣ стѣны были заставлены сундуками, а по срединѣ стоялъ столъ покрытый скатертью, на которомъ было нѣсколько тарелокъ съ разными Бухарскими фруктами для

угощения моей жены. Мнѣ же былъ поставленъ стулъ между сундуками. Отсюда была дверь, въ назначенную для торжественнаго праздника комнату, въ которой всѣ перегородки были вынуты, и изъ нѣсколькихъ небольшихъ комнатъ составила большая зала. Дверь въ эту залу отъ насъ была занавѣшена Бухарской шелковой матеріею. Хозяйка просила жену мою войти въ праздничную комнату, а мнѣ только распоролла дырочку на занавѣскѣ и позволила въ нее смотрѣть. Гостей еще никого не было; кругомъ стѣны всей комнаты были устроены широкія нары, въ родѣ дивановъ, устланныя всѣ Персидскими коврами, и на нихъ, кое гдѣ, разброшены подушки. На полу также были разостланы подержанные ковры, и наставлено съ дюжину круглыхъ столовъ, за которыми могли помѣститься челоуѣкъ по десяти. Столы эти были на низенькихъ, не выше полуаршина, ножкахъ, и всѣ покрыты бѣлыми и цвѣтными скатертями. У дивановъ стояли столики съ такими же лакомствами, какія были приготовлены для моей жены. Освѣщеніе было самое плохое: нѣсколько сальныхъ свѣчъ, и съ тѣхъ не снимали.

Мужескаго пола не было въ комнатахъ ни души; женихъ во все время пиროванья просидѣлъ въ кухнѣ.

Вотъ начали съѣзжаться, одна за другой гости, разряженные, какъ я никогда еще ихъ не видалъ, въ богатѣйшихъ парчевыхъ зиланахъ, которыми они были покрыты, съ головы до

ногъ, на мѣсто покрываль. Вошедши въ комнату зиланы онъ съ себя сбрасывали, и оставались въ такихъ же золотыхъ камзолахъ и въ пребогатѣйшихъ рубашкахъ, безъ покрываль. На головахъ однѣ имѣли шелковые съ золотомъ и серебромъ платки, другія бархатныя, въ родъ Венгерскихъ, съ бобровой опушкой и съ золотою кистью на боку шапочки, третьи были въ шелковыхъ колпачкахъ, съ золотой бахромой и всѣ украшены цвѣтами нашего Европейскаго издѣлія. Это вовсе не шло къ ихъ богатому Азіатскому костюму. Но Татарки, съ нѣкотораго времени, начали вмѣшивать въ свои наряды Европейскія украшенія: такъ на примѣръ, онѣ обшиваютъ свои рубашки широкими лентами въ родъ оборокъ, чего въ старыя годы не бывало; рукава у рубашки инья дѣлаютъ уже, чтобы можно было умѣстить ихъ подъ браслеты; выпускаютъ височки. Къ цвѣтамъ же получить такую страсть, что заставили учиться дѣлать ихъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ Казанскихъ Татарокъ, изъ мѣщанъ, которыя изъ цвѣтнаго буфмуслина дѣлаютъ что-то похожее на цвѣты и продаютъ богатымъ Татаркамъ втрое дороже того, чего имъ стоитъ плохое ихъ издѣлье.

Каждая, пріѣхавшая гостя должна была привести невѣсть какойнибудь подарокъ. Родственницы привозили въ подарокъ богатыя парчи на камзолъ, матері на рубашки, золотыя платки и проч. Постороннія дарили колпачками, лентами на отдѣлку рубашки, позументомъ для обшивки

вóрота рубашки бахрамой, для колпачка и т. п. Всѣ подарки клали на приготовленный для этого столъ. Гостья, вошедши въ комнату, и поздравившись со всѣми, шла къ столу, гдѣ клались подарки. Хозяйка показывала ихъ ей и сказывала, кто что подарилъ. Осмотрѣвши все на столъ, гостья вынимала свой подарокъ, клала на столъ и садилась на диванъ, а хозяйка брала подарокъ и показывала всѣмъ гостямъ.

Церемонія, съ прїѣздомъ гостей и взаимными подарками, продолжалась довольно долго. Я замѣтилъ, что нѣкоторыя Татарки, одѣтыя довольно богато, не приносили подарковъ. Хозяйка, которая безпрестанно къ намъ приходила, объяснила мнѣ, что это бѣдныя. Онѣ взяли платья въ людяхъ и приглашены для полученія денежныхъ подарковъ. Надобно отдать честь Татарамъ, что они изъ бесѣдъ своихъ и изъ праздничныхъ пировъ не исключаютъ бѣдныхъ, и не различаютъ ихъ въ угощеніи отъ другихъ гостей.

Когда собрались всѣ гости, началось угощеніе чаемъ. Сколько было принесено самоваровъ, сколько разъ ихъ подогрѣвали! Хозяйка и ея родственница разносила чашки на нѣсколькихъ подносахъ. Гостья пили такъ аппетитно, что трудно было сосчитать, по скольку чашекъ пришлось на каждую. Жену мою попросили ко мнѣ за занавѣску, гдѣ насъ угощали цвѣточнымъ ханскимъ чаемъ. Пока мы пили чай, хозяйка стояла у занавѣски, вѣроятно опасаясь, чтобъ

кто -нибудь изъ любопытныхъ (гостій) не заглянула къ намъ въ комнату, и, при малѣйшемъ подозрѣніи, я долженъ былъ ретироваться въ назначенный мнѣ уголь между сундуками.

Напившись чаю, Татарки начали лакомиться, и очень деликатно, не хватали съ тарелокъ съ жадностію, но брали по немногу; иныя лакомство завязывали въ узелокъ въ платки, вѣроятно для своихъ маютокъ. Спустя немного времени начали хлопотать объ ужинѣ. Татарки позначительнѣе, помѣстились на широкихъ нарахъ, устланныхъ коврами, и поджали ножки такъ искусно, что ихъ блестящія, шитыя золотомъ ичиги были видны. Замѣтно, что красавицы щеголяли ими одна передъ другой. Большая половина Татарокъ сѣли на полъ кругомъ низенькихъ круглыхъ столовъ, и, какъ было замѣтно, дожидались съ нетерпѣніемъ ужина. Онъ начался свадебнымъ блюдомъ: масломъ и медомъ. Подали нѣсколько блюдъ, изъ которыхъ на однихъ было масло, а на другихъ медъ и огромные подносы съ нарѣзаннымъ бѣлымъ хлѣбомъ ихъ собственнаго печенія. Передъ каждой гостьей поставили по тарелкѣ, и начали подавать торжественное блюдо прежде сидящимъ на диванѣ, а потомъ за круглые столики. Каждая Татарка брала по куску масла и меда, намазывая на хлѣбъ, кушала съ необыкновеннымъ благоговѣніемъ, какъ бы въ этомъ кушаньѣ было чтонибудь религіозное или таинственное. Второе блюдо было что-то въ

родъ лапши съ бараниной, третіе — пельмени, четвертое — пироги длинные съ капустой, пятое — такіе же пироги съ мясомъ, шестое — пироги круглые съ курицей и яйцами, седьмое — сорочинское пшено съ рубленой бараниной, восьмое — говядина вареная съ лукомъ и съ краснымъ уксусомъ, девятое — вареная рыба севрюга, десятое — жареная баранина, одиннадцатое — жареные гуси, двѣнадцатое — жареная утка, тринадцатое — жаренныя курицы, четырнадцатое — жаренныя индѣйки, пятнадцатое — караси, приготовленные съ яйцами, въ родъ яичницы, шестнадцатое — жаренные большіе лещи, семнадцатое — пловъ съ изюмомъ и восемнадцатое — пирожное, котораго было до 8-ми блюдъ. Последнее было сдѣлано все изъ муки, чрезвычайно жирно и вырѣзано разными узорами, въ родъ стариннаго Русскаго пирожнаго.

По окончаніи продолжительнаго ужина, хозяйка принесла изъ другой комнаты дести три бумаги, въ которую обыкновенно завертываютъ чай, и раздала каждой гостѣ по листу; другая Татарка несла за нею необыкновенной величины, въ родъ сѣннаго стога, пирожное, сдѣланное изъ разныхъ ядеръ и фруктовъ съ медомъ, масломъ и мукой. Такіе свадебные пироги присылаются всегда изъ дома невѣсты, для угощенія жениховыхъ гостей. Пирогъ былъ разрѣзанъ на нѣсколько кусковъ, вѣроятно, по числу гостей. Пирогъ стали подавать, начиная со старшихъ, всякая гостья брала по куску и, не-

много отвѣдавъ, завертывала въ листъ бумаги, а потомъ въ платокъ, чтобы принести свадебный гостинецъ домашнимъ.

Я замѣтилъ, что соленые огурцы, очищенные и изрѣзанные ломтиками, подавались не къ жаркому, но отдѣльно, и гости, скушавъ до этого до десяти жареныхъ блюдъ, ѣли соленые огурцы съ жадностію.

Я уже терялъ терпѣніе отъ такого утомительнаго угощенія. Не смотря на длинную Октябрскую ночь, ужинъ, начавшійся въ 9 часовъ вечера, кончился на разсвѣтъ. Нерасторопность Татарокъ, находившихся въ услугъ, медленное жеваніе гостей, большое количество кушаній, дѣлали ужинъ безконечнымъ. Въ нашу комнату приносили каждое кушанье, и мы, изъ любопытства, отвѣдывая отъ нѣкоторыхъ блюдъ по немногу, сдѣлались сыты до нельзя.

Уже было довольно свѣтло, когда Татарки, сидѣвшія на диванахъ, зашевелились; однѣ изъ нихъ встали, другія, оставаясь на мѣстахъ кашляли, какъ бы выказывая этимъ полноту своихъ желудковъ. Тоже самое дѣлали и сидѣшія на полу; но нѣкоторыя вовсе не шевелились. Это были бѣдныя. Для нихъ хозяйка принесла на тарелкѣ серебряныхъ денегъ отъ цѣлковаго до восьмигривеннаго. При раздачѣ денегъ, она отдала прежде всего женѣ муллы красную ассигнацію, потомъ родственницамъ ея цѣлковыя, и наконецъ бѣднымъ прочія деньги, помѣщая ихъ въ руки Татарокъ, такъ искусно, что невоз-

можно было замѣтить, кому какую монету она давала.

Вотъ вамъ увеселительные праздники нашихъ Казанскихъ Татарокъ. Веселье этого пиროванья никогда у нихъ не бываетъ. Они такъ бываютъ заняты въ то время своимъ желудкомъ, что мало между собою разговариваютъ и не пропускаютъ ни одного кушанья.

Этотъ блистательный пиръ былъ на канунъ свадьбы. Бракъ же совершается муллою всегда въ домъ жениха, куда на завтра я былъ приглашенъ хозяиномъ дома.

Въ назначенный часъ явился я въ домъ жениха. Гостей было еще немного; нѣсколько пожилыхъ Татаръ ходили по комнатамъ, и объ чемъ-то тихо разсуждали. Гости собирались довольно медленно, и, собравшись, вѣроятно дали знать муллѣ, потому что онъ прѣѣхалъ послѣ всѣхъ гостей съ предлинной палкою въ рукъ. Важно вошелъ онъ въ комнату; всѣ Татары сдѣлали ему особенный жестъ учтивости. Подходящимъ къ нему мулла подавалъ руку, и каждый клалъ ее между своихъ обѣихъ рукъ. Такъ дѣлается всегда при свиданіи; старшій подаетъ руку, а младшій беретъ ее между обѣихъ рукъ. Комната, куда собрались гости, была совершенно пуста; въ ней не было ни одного стула, ни сундука, но весь полъ былъ устланъ коврами. До прѣѣзда муллы никто изъ гостей не сѣлся; когда же усадили муллу въ переднемъ углу, а меня подлѣ него, на полъ, то и всѣ Татары

съли на ковры, по восточному, сложа ноги. Сперва гостямъ обыкновенно подавали чай, что продолжалось не мало времени; послѣ чаю тотчасъ начали хлопотать объ ужинѣ. Татары помѣстились попарно, и передъ каждой парой поставили по тарелкѣ съ двумя деревянными ложками, а вмѣсто салфетокъ положили по длинному полотенцу.

Первое кушанье было топленое, густое коровье масло и медъ, которые подавались отдѣльно другъ отъ друга на двухъ блюдахъ. Каждый Татаринъ бралъ однимъ разомъ на ложку и медъ и масло, и кушалъ, какъ торжественное свадебное блюдо, съ большимъ аппетитомъ и благоговѣніемъ. Потомъ начали подавать и другія кушанья, которыя были почти одинаковы съ кушаньемъ на женскомъ пиру и также многочисленны.

По окончаніи стола, который продолжался очень долго, подали всѣмъ гостямъ по стакану меда. Гости выпили медъ до капли, утерли себѣ бороду, начали прокашливаться и потомъ издавать горломъ отвратительные звуки, всѣ до одного Татарина, разными тонами, одинъ басомъ, другой теноромъ, третій альтомъ. Эта желудочная музыка была знакомъ, что гости сыты и благодарятъ хозяина за угощеніе.

Послѣ такого необыкновеннаго концерта, Татары вставали и клали на разостланную на полу скатерть деньги: красныя бумажки, синія и цѣлковыя. Эти деньги собирались для невѣсты,

которая въ день свадьбы и въ эту свадебную пирушку находится уже въ комнатѣ, назначенной быть спальнею новобрачныхъ. Спальни назначаются почти всегда отдѣльно, или во флигель на дворъ, или въ томъ же домѣ, въ другой половинѣ. Сборъ этихъ денегъ называется шербетомъ, отъ того, что въ старину деньги клали всегда въ наполненный шербетомъ кубокъ и относили въ комнату невѣсты, которая, взявши ихъ, этимъ самымъ высказывала свое согласіе на бракъ съ нарѣченнымъ женихомъ.

Точно также и тутъ собранныя деньги, хотя не въ кубкѣ съ шербетомъ, но просто на тарелкѣ, отецъ понесъ къ невѣстѣ, и, возвратясь сказалъ муллѣ, что дочь его деньги приняла. Послѣ этого объявленія, тотчасъ призвалъ жениха, стоявшаго въ это время у дверей, и спросилъ согласенъ ли также и онъ? Безъ сомнѣнія, женихъ сказалъ: да. Послѣ этого мулла говорилъ съ отцемъ о полученіи калыма и, кончивъ всѣ подлежащія распросы, началъ приготовляться къ брачной молитвѣ, покряхтѣлъ, прокашлялъ раза три и погладилъ бороду, что сдѣлали и всѣ Татары. Молитва продолжалась минутъ десять. Вотъ она:

Молитва во время вѣнчанія.

Хютбе (на Арабскомъ языкѣ.)

Хвала Богу, облагодворившему насъ способностію говорить и изъясняться, удостоившему

насъ красотою рѣчи и вліяніемъ слова! Онъ, Всевышній, содѣлалъ все на пользу человѣка. Онъ запретилъ, все что неполезно и разрѣшилъ все, что полезно. Онъ предписалъ намъ сочетаніе бракомъ, а запретилъ развратъ. Онъ, Всевышній, говоритъ (въ Алкоранѣ), берите себѣ въ супружество изъ женщинъ таковыхъ, которыя вамъ понравятся, по двѣ, по три или по четыре. О вѣчно-благодатный! Намъ принадлежитъ воздаяніе, благодарность Тебѣ за милости Твои! О руководитель всещедрый! На насъ лежитъ долгъ признательности за дары супружескіе! Путеводительствуй насъ, Господи, къ довольству и совершенству, и запечатлай всѣ наши дѣянія Твоимъ совершенствомъ. Мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха, единаго, безтоварищнаго, и что Махоммедъ Его рабъ и посланный, одаренный всѣми превосходствами предъ смертными. Да будетъ благословіе Божіе надъ лучшимъ изъ Его твореній—Махоммедомъ, посланномъ отъ Бога, съ чудесами, и надъ его семействомъ, Святыней освѣщающей истину.—Богъ, направляя насъ на путь истины, на Исламъ, опредѣлилъ супружество границею между дозволеннымъ и запрещеннымъ. Такъ говоритъ Пророкъ, да будетъ надъ нимъ благословіе Божіе! супружество есть мой суннетъ (*) Кто отвергаетъ мой суннетъ (т. е. разруша-

---

(*) Суннетъ значить, все то, что *рекомендуется* закономъ, а не предписывается. Всякому Мусульманину, напримеръ, предписывается совершать пять разъ молитвы,

еть правило сіе), не принадлежит мнѣ. Женящійся есть любящій, взятая въ замужество любима, а калымъ между ними долженъ быть на основаніи обоюднаго согласія. Благослови чету, испроси имъ милосердіе и блага Господня, ибо Онъ всемилосердный и милостивый.

Теперь слѣдуетъ на Татарскомъ языкѣ весьма напыщенный и длинный монологъ, содержащій слѣдующій вопросъ:

По повелѣнію Бога небесъ и міровъ, Творца свѣта и тьмы, и по суннету Великаго Пророка Махоммеда Мустафы, да будетъ благословеніе Бога надъ нимъ и надъ всѣмъ его семействомъ, по правиламъ секты Имама Азама (господствующая секта въ здѣшнемъ краѣ), и по согласію Имама Абу-Юсуфа-ал-кази, и Имама Махоммеда сына Аль-Хасана, придворнаго Ашибани (имена законодателей) и прочихъ Имамомъ, при свидѣтельствѣ присутствующихъ знатныхъ особъ, при согласіи обѣихъ сторонъ (жениха и невѣсты) и при 1,000 руб. калыма такой-то (адресуя отца невѣсты) соглашается ли выдать свою законную дочь, давшую на то довѣренность тому-то, въ замужество, по правиламъ Мусульманскихъ вѣроисповѣданій, за такого-то, сына такого-то?

и. т. п. и рекомендуется жениться; такимъ образомъ, напримѣръ, неисполняющіе намаза отступаютъ отъ главныхъ правилъ вѣры, но неженящіяся, напротивъ, не разрушаютъ тѣмъ правило вѣры.—

ОТВѢТЬ: СОГЛАСЕНЪ, ВЫДАЮ.

Ты, такой-то (адресуя отца жениха) довѣренный со стороны (*) сына своего, соглашается ли взять такую-то, дочь такого-то, при такомъ количествѣ калыма, въ законное замужество за своего сына?

ОТВѢТЬ: СОГЛАСЕНЪ, ВЕРУ.

АМИНЬ.

Послѣ окончанія этой молитвы, мулла всталъ съ полу; ему послѣдовали всѣ, и разошлись.

На свадебныхъ пирахъ многіе Татары, такъ же какъ и Русскіе, пьютъ разныя вина и пиво; но это дѣлается въ другой комнатѣ, по секрету отъ муллы, и ежели мулла замѣтитъ когонибудь изъ гостей пьянымъ, то при всѣхъ его жестоко бранить.

Послѣ отъѣзда всѣхъ гостей, сваха беретъ молодого и отводитъ въ комнату, устроенную для спальни, гдѣ дожидается его молодая жена, и запираетъ ихъ. Въ этой комнатѣ сидятъ они четыре дня, не выходя ни на минуту, и къ

(*) Какъ ни женихъ, ни невѣста не могутъ присутствовать при обрядѣ, то ихъ отцы, при свидѣтельствахъ, выбираютъ въ довѣренные для совершенія бракосочетанія и къ нимъ уже адресуется какъ къ самимъ жениху и невѣстѣ. Если же нѣтъ отцевъ, то мѣсто ихъ занимаютъ ближайшіе родственники, или хорошіе знакомые.

нимъ, кромѣ свахи, въ это время никто не ходитъ. Спустя четыре дня, молодой идетъ къ своимъ родителямъ, прежде напившись дома чаю; и опять возвращается къ своей женѣ, и тамъ ночуетъ.

По утру уходитъ къ себѣ домой, и въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, каждую ночь проводитъ у своей молодой супруги. По прошествіи трехъ мѣсяцевъ, они видятся рѣже; иногда молодая гоститъ въ домѣ у мужа, и опять возвращается домой. Такое житіе продолжается годъ, два и три; потомъ жена перевзжаетъ совершенно къ мужу, имѣя иногда уже двоихъ дѣтей.

На другой день свадьбы, молодой супругъ дѣлаетъ новобрачной самый богатый подарокъ, по своему состоянію; но иногда случается, что на другой же день онъ оставляетъ ее и беретъ у муллы разводную.

Подобную этой церемонію я видѣлъ и въ деревнѣ. Въ духовномъ обрядѣ, безъ сомнѣнія, не было никакой разницы, но и угощеніе также не походило на крестьянское. Пирогы и пирожное были изъ крупчатой муки, мясныя кушанья были всѣ приготовлены изъ лошадиного мяса. Меня болѣе всего удивилъ лотокъ съ лошадиными кишками, начиненными кашей; это представляло въ миниатюрѣ изрытую гору, съ ужасными скалами. На праздникъ были мужчины и женщины. Мужчины пировали въ главной, новой избѣ, женщины въ анбарушкѣ, гдѣ нѣкоторыя изъ домашнихъ, лѣтомъ, спятъ.

Мулла и всѣ гости начали пировать со втораго часа по полудни. Главное угощеніе былъ чай, но женщинамъ его не подавали, а подчивали имъ муллу, и тѣхъ, кто почетнѣе изъ Татаръ. Молодые пили пиво, котораго было наварено въ изобиліи; вина я не видалъ. Женихъ съ своими молодыми товарищами прѣвхалъ передъ вечеромъ. Въ сумерки была прочтена брачная молитва, послѣ которой вскорѣ сваха отвела жениха на другой дворъ, принадлежащій невѣстинуму дядѣ, гдѣ въ новой горницѣ дожидалась его новобрачная. На другой день мы выѣхали съ ночлега, часовъ въ 7 утра, но молодые покоились еще въ объятіяхъ Амура и Гименя.

Въ той же самой деревнѣ мнѣ удалось видѣть другую церемонію, когда дочь изъ отцовскаго дома уѣзжала совсѣмъ въ домъ своего мужа. Она, вышедши замужъ, жила у своего отца два года съ половиной, и уже родила двоихъ дѣтей.

Отправленіе дочери къ мужу не очень праздновалось весело. Отецъ съ матерью ходили съ заплаканными глазами; они провожали дочь въ другую деревню, отъ своей верстъ за двадцать.

Дочь разбирала свое приданое въ анбарушкѣ, около которой толпились любопытныя Татарки. Тѣ, которыя желали видѣть приданое, должны были сдѣлать отъѣзжающей денежныя подарки, и потому клали на сундукъ, кто гривну, кто 5 коп.; двѣ Татарки, родственницы жениха,

положили по двугривенному, родственницы невѣсты клали по гривеннику. Приданое не было бѣдно: штофный съ золотомъ камзолъ, нанковый халатъ для покрыванія, нѣсколько ситцевыхъ рубахъ, красные ичиги, нѣсколько башмаковъ, красная драдедамовая шаль, также для покрыванія, нѣсколько нанковыхъ камзоловъ, на заячьемъ мѣху, и прочее. Скатерти, полотенцы, постельныя принадлежности, все это было своей работы, и очень красиво выткано.

Между тѣмъ какъ Татарки разбирали приданое, въ главной избѣ накрывали столъ и уставляли кушаньемъ. Разные пироги, пирожное, медъ, масло, каймакъ, заняли весь небольшой столъ.

Мужъ пріѣхалъ за женой въ трехъ кибиткахъ парами; съ нимъ было нѣсколько Татаръ, его родныхъ. По пріѣздѣ тотчасъ посадили ихъ за приготовленный столъ. Въ то время, какъ они кушали, Татарки выносили приданое и укладывали въ одну изъ кибитокъ, а увѣжающая въ анбарушкѣ бѣлилась и румянилась, снимала дѣвичій костюмъ, и надѣвала замужній. Когда послѣдняя была готова, то послала со свахою мужу въ подарокъ бѣлую миткалевую рубашку, которую одинъ изъ Татаръ принялъ, вышелъ съ ней изъ избы и развѣсилъ на дугу, у лучшей изъ кибитокъ; рукава обвили всю дугу, а рубашка покрывала спину лошади. Въ эту кибитку съѣла увѣжающая Татарка со свахою, а мужъ съѣлъ кучеромъ; въ остальные кибитки съѣли пріѣхавшіе Татары, и всѣ, такимъ образомъ,

уѣхали со двора. Отецъ съ матерью и родные горько плакали; всѣ деревенскія Татарки провожали уѣзжающую за ворота.

У Татаръ родины есть довольно значительный семейный праздникъ, въ особенности у богатыхъ, у которыхъ обыкновенно всѣ обряды исполняются великолѣпнѣе. У богатыхъ повивальная бабка заблаговременно приглашена, и въ послѣдніе дни беременности у нихъ живетъ безвыходно. Иныя посылаютъ за бабкой, когда почувствуютъ себя дурно; какъ скоро все кончится благополучно, родильница посылаетъ за матерью тотъ же часъ; иногда матери бываютъ и при самыхъ родахъ. Когда все приведется въ порядокъ, тогда родильница приглашаетъ къ себѣ отца и извѣщаетъ родныхъ. Черезъ три дня, на четвертый, приглашаютъ муллу для совершенія религіознаго обряда, при которомъ мулла держитъ ребенка на своихъ рукахъ, предъ собою, и громко кричитъ ему на правое ухо, азанъ, т. е. вызовъ понамаря на молитву съ минарета, а потомъ шепчетъ ему въ лѣвое ухо каметь, тоже что азанъ, и при этомъ даетъ дитяти имя. Муллѣ платятъ за это, каждый по своему состоянію, и роскошно его угощаютъ. На этотъ пиръ приглашаются всѣ знакомые мужчины. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, къ родильницѣ приходятъ всѣ знакомыя женщины и каждая приносятъ на зу-

бокъ такъ точно, какъ у Русскихъ. Сверхъ того привозятъ для новорожденнаго по рубашкѣ, богатыя—шелковыя, бѣдныя—ситцовыя, многія дарятъ и одѣяльцы, чапашки, тебетейки и колпачки. Говорятъ, что богатая родильница такъ много получаетъ подобныхъ подарковъ, что наполняетъ ими порядочной величины сундукъ.

При такихъ подаркахъ считается необходимою привезти родильницѣ чаю и сахару, сколько кто въ состояннн, отъ головы сахару и отъ фунта чаю, до четверти фунта сахару и до осьмухи чаю. Послѣ трехъ, или пяти лѣтъ совершаютъ обрѣзаніе; послѣ трехъ лѣтъ, или пяти, для того чтобы былъ непременно нечетъ Татары, по предрасудку полагаютъ, что въ четное число, какъ на примѣръ, въ четыре года, въ шесть, ребенокъ обрѣзанный, долженъ умереть. Обрѣзаніе совершается однимъ изъ избранныхъ для этого муллою, которому платятъ за обрядъ всякой, что можетъ болѣе: даютъ по 50 рублей, иные по золотому, и такъ далье. При обрѣзаннн читается сура, какая-либо изъ Алкорана.

Когда занемогшій Татаринъ сдѣлается опасно больнн, тогда приглашаютъ муллу, и онъ читаетъ надъ умирающимъ 36 суру изъ Алкорана, называемую ясынъ, о воскресенн мертвыхъ.

Ежели мулы нѣтъ, то это дѣлаетъ какой-либо старикъ, и даже старуха. Какъ скоро умереть, то два челоуѣка кладутъ тѣло на столъ ногами къ той сторонѣ, гдѣ Мекка. Одинъ наливаетъ воду, а другой моетъ тѣло; потомъ покрываютъ оное тремя покрывалами изъ бѣлаго холста или изъ миткаля. Первое покрывало отъ шеи до колѣнъ называется кафинъ, второе камль, въ видѣ бѣлаго халата, покрываетъ голову до ногъ, третье лифафа, также подобное бѣлому халату, сверхъ упомянутыхъ двухъ, покрываетъ все тѣло и завязывается на головѣ и около ногъ, такъ что уже совсѣмъ невидно тѣла. Такимъ образомъ кладутъ покойника на лубокъ. Послѣ сего мулла читаетъ 67 суру Алкорана, называемую Мулькъ. Ежели больной умеръ утромъ, то къ вечеру, изготавивъ все, выносятъ его на кладбище; когда же умеръ онъ вечеромъ, то это дѣлается въ слѣдующее утро. Здѣсь надлежитъ сказать, что Русскій законъ, повелѣвающій хоронить покойниковъ, по прошествіи двухъ сутокъ, у Татаръ не такъ строго наблюдается.

На умершихъ женщинъ кладутъ 3 покрывала; но кромѣ сего, лице ихъ закрываютъ холстомъ длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина; волосы ихъ распущены впередъ по обѣимъ сторонамъ шеи. Отъ груди до колѣнъ пеленаютъ ихъ въ бѣлый холстъ или въ миткаль.

Покойника, положивъ на лубокъ, на плечахъ выносятъ изъ дому и останавливаются на ули-

цѣ у мечети, гдѣ проговорятъ маленькую молитву, Дженаза—безъ поклоновъ.

Пока на кладбищѣ хоронятъ покойника, женщины, оставшіяся въ домѣ, читаютъ суру мулькѣ, подаютъ милостыню бѣднымъ и моютъ горницы. Въ могилѣ дѣлается боковая ниша, въ которую тѣло, снявъ съ лубка, кладутъ на правый бокъ, лицомъ къ Меккѣ. Эта ниша называется Лехедъ, и оную закладываютъ несжженными кирпичами въ видѣ свода или печи. Тутъ опять, сидя, читаютъ суру мулюкѣ. Наконецъ по совершеніи сего погребальнаго обряда, мулла съ прочими возвращается въ домъ покойника. Здѣсь мулла даютъ лошадь, или корову, или барана, даже денегъ. Платье покойника и его Алкоранъ отдается азанчѣ, т. е. пономарю, который долженъ молиться Богу объ успокоеніи его души. Въ день погребенія не употребляютъ ни пищи ни питья. Первые 3 дни, послѣ похоронъ, почитаются трауромъ; а потомъ, по прошествіи сего времени, мулла и всѣ родственники и знакомые покойнаго приглашаются къ обѣду; тоже бываетъ въ 7-й, напоследокъ въ 40 день и чрезъ годъ.

По окончаніи cadaго обѣда, мулла читаетъ какую-либо главу изъ Алкорана.

Въ послѣднія минуты жизни умирающаго, когда читаютъ отходную, то есть суру, читающій окликаетъ умирающаго, называя его или ее по имени, и умирающій, ежели имѣетъ память, отвѣчаетъ; на примѣръ, ежели читаетъ

мать надъ дочерью, то она ее окликаетъ, называя по имени, а та отвѣчаетъ аней, т. е. матушка и это повторяется безпрестанно до психода души. (*) По смерти женщины до самаго погребенія, все исправляется женщинами, даже мужъ не можетъ взглянуть на жену свою, послѣ ея смерти; но когда умершаго обмоютъ, закроютъ лице, спеленаютъ и придетъ мулла для совершенія погребальнаго обряда, тогда женщины покойницу оставляютъ, и уже мужчины съ муллою кладутъ на носилки и уносятъ на кладбище.

Поминовенія и раздачи милостыни продолжаются шесть недѣль. Къ богатымъ покойникамъ мулла, даже нѣсколько разъ въ день, ходитъ на могилу и читаетъ назначенные для этого суры изъ Алкорана.

Надобно сказать правду, что Татары на счетъ вспомошествованія бѣднымъ превышаютъ Русскихъ, не по влеченію сердца, но изъ боязни и страха исполнять законъ ихъ строгаго пророка, который говоритъ: что отдадите бѣднымъ на земль, то воздастся вамъ на небесахъ; чѣмъ питаете и поите бѣдныхъ, то будете кушать и пить въ будущемъ сами, во что одѣнете ихъ, въ то облечетесь сами.

(*) Эта отключка предписывается закономъ и называется *Талкинъ*; она имѣетъ цѣлю внушать умирающему что онъ долженъ произносить за окликающимъ, если онъ можетъ, терминъ *шехадетъ*, т. е. произносить или читать просебя: нѣтъ Бога кромѣ Аллаха и махометъ его посланный.

Одна Татарка Шарифа - Бану , жена купца Чамасъ Махмуда , моя сосѣдка, можетъ служить примѣромъ въ исполненіи заповѣди своего законодателя. Нѣтъ сомнѣнія , что ея добродѣтели происходили прямо отъ души , потому что она кротостію своею удивляла всѣхъ знакомыхъ. Она была посредственнаго состоянія , и будучи вдовой , могла располагать имъ , какъ хотѣла ; она жила единственно для бѣдныхъ и не съѣдала куска , не раздѣливъ съ ними. Вотъ какъ она проводила дни : вставши по утру , читаетъ утреннюю молитву , потомъ приглашаетъ нѣсколько бѣдныхъ напиться чаю , и прежде поить ихъ , потомъ начнетъ пить сама ; послѣ садится что нибудь работать для бѣдныхъ . Къ обѣду опять приглашаетъ бѣдныхъ ; и что приготовила для себя , тѣмъ и ихъ угощаетъ . Случалось такъ , что бѣдныхъ приходило болѣе , чѣмъ она ожидала ; въ такомъ случаѣ она все приготовленное кушанье для своего обѣда , отдавала имъ , и сама питалась однимъ хлѣбомъ .

Она никогда не носила богатое платье ; но какое себѣ шила , такое же точно дѣлала въ приданое бѣдной невѣстѣ . Такимъ образомъ она , оставшись въ 22 года вдовою , прожила до 37 лѣтъ . Она умерла , и сколько бѣдныхъ приходили къ ея тѣлу ! И всѣ получили некопѣчную милостыню .

Они ставятъ кругомъ могилы родъ домика , изъ нѣсколькихъ бревень , четырехугольный безъ крыши , у богатыхъ изъ камней , въ которомъ

садятъ нѣсколько березокъ. Тутъ нерѣдко находится и камень, стойкомъ поставленный, съ надписью красивыми Арабскими буквами. Я списалъ нѣкоторыя изъ этихъ надписей, и здѣсь переводъ съ оныхъ помѣщаю.

1) Во имя Бога Всемогущаго! Сія святая могила принадлежитъ золотыхъ дѣлъ мастеру Мухамедъ-Рахиму сыну Сайда, отправившемуся изъ міра тлѣннаго въ міръ вѣчный, въ тысяча двѣсти сорокъ первомъ году. Да будетъ надъ нимъ изобильное милосердіе Божіе!

2) Могущество принадлежитъ Господу; Онъ вѣченъ и безсмертенъ! По лѣтосчисленію Арабовъ, въ тысячу двѣсти пятьдесятъ второмъ году, въ 17 день Зюль-хиджи, Дамулла—Абдулнасиръ Ахунтъ и Мудерисъ, сынъ муллы Рахманъ-куллы, на 58 году отъ рожденія, отправился изъ сего тлѣннаго міра въ міръ вѣчный. Да освятитъ Господь его могилу! Мы принадлежимъ Богу и къ нему возвращаемся.

3) Въ смерти много ученія! По лѣтосчисленію Арабовъ въ тысяча двѣсти пятьдесятъ первомъ году мѣсяца святаго рамазана двадцать восьмаго дня жена Ахмета Михрабанъ, дочь Мусы, на пятидесятомъ году жизни своей, отправилась изъ міра тлѣннаго въ міръ вѣчный. Да освятитъ Богъ ея могилу! Она предана земль въ 1836 году. Да освятитъ Господь ея прахъ.

4) Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Все, что живетъ, должно вкушать смерть!... Все, что жи-

ветъ на небесахъ и на земли, смертно; а одинъ Господь могущественный вѣченъ! Пророкъ (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!) говоритъ: въ смерти много ученія.— Въ тысяча двѣсти пятидесятомъ году въ мѣсяцъ Шаа-банъ, отправился изъ тлѣннаго міра въ міръ вѣчный, на шестьдесятъ третьемъ году отъ рожденія—Юсуфъ сынъ Ахмера. Мѣстомъ его рожденія было Ковали, мѣстомъ жительства Казань; да будетъ Богъ милосерденъ ему и всѣмъ правовѣрнымъ! Мы принадлежимъ Богу, и возвращаемся къ нему.

5) Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Въ тысяча двѣсти сорокъ второмъ году (эгиры) въ девятнадцатой мѣсяца Раджаба, Муса, сынъ Исмаила, Апанаевъ на шестидесятомъ году отъ рожденія отправился отъ міра тлѣннаго въ вѣчный міръ! По лѣтосчисленію Римскому (Христіанскому) въ тысяча восемь сотъ двадцать седьмомъ году Февраля—дня. Мы принадлежимъ Богу и къ нему возвратимся.

6) Онъ вѣченъ и безсмертенъ! Въ тысяча двѣсти пятидесятомъ году отъ бѣгства пророка (да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!) въ шестнадцатый день Зюлькаады, Баширъ, Аитовъ сынъ, да будетъ на немъ милость Бога, на восьмидесятомъ году отъ рожденія, отправился изъ преходящаго міра въ міръ вѣчный. Да освятитъ Господь сей прахъ! Онъ скончался въ день Марта 1835 года.

7) Къ Богу прилетаютъ души, когда онъ оставляютъ свои формы (Алкоранъ). Въ 1247

году въ мѣсяцъ Телець (Апрѣль) Мухаммедъ-кули, сынъ Юсуфа, отправился изъ міра преходящаго въ міръ вѣчный. Мѣстомъ рожденія его было село Корашанъ, городъ его—Уфа, жительство его—Наринъ, т. е. Ікай-иль, въ сосѣдствѣ Джеанъ-гиръ-хана. Да будетъ надъ нимъ изобильное милосердіе Божіе!

Татарскихъ древностей въ Казани никакихъ нѣтъ. По Татарскимъ рукописямъ, въ Казани, при владычествѣ Хановъ, каменныхъ зданій не было; а башня, нынѣ находящаяся въ крѣпости, подъ названіемъ Сумбекиной, строена Русскимъ Архитекторомъ, и дѣлаетъ ему честь. Она построена въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича, когда сей Царь повелѣлъ строить Закамскую линію съ валами и обсервационными башнями. Даже нынѣшнія каменные мечети построены въ началъ царствованія Екатерины II-й; но изъ всѣхъ Татарскихъ древностей здѣсь осталось нѣсколько камней съ надгробными надписями, изъ коихъ двѣ въ переводѣ здѣсь предлагаю:

1) Онъ (Богъ) вѣченъ и безсмертенъ! Богъ всемогущій говорилъ: всякое сущее на земли и небесахъ—смертно; но Господь всевѣченъ! Еще Богъ всемогущій говоритъ: всякое живущее должно вкусить смерть. Въ девять сотъ тридцать шестомъ году, въ мѣсяцъ Зюлькаада (*), Куль-Мухаммедъ, сынъ Шихъ-Мухаммеда, изъ

(*) т. е. въ Іюль 1530 года. Въ это время, 10-го Іюля, Русскіе, подъ предводительствомъ князя Бѣльскаго и

тлѣннаго міра отправился въ міръ вѣчный. Да будетъ надъ нимъ изобильное милосердіе Господа. Онъ убить отъ рукъ невѣрныхъ. Мы принадлежимъ къ Богу и къ нему возвращаемся!

2) Богъ святой, непорочный, праведный, величественный, сказалъ: все живущее на землѣ увядаетъ, но зракъ Господа твоего, облеченный въ честь и славу, будетъ сіять вѣчно.

Да будетъ благословіе и спасеніе Махоммеду, сказавшему: міръ сей невѣченъ.

Также благослови и спаси Господи сказавшаго: міръ сей выше самыхъ царей.

Отъ Эгиры въ 936 году (1529), въ мѣсяцъ Зулкагидъ, убить отъ рукъ иновѣрца Мухаммедъ-Галей, сынъ Мухаммедъ Шаха.

На камнѣ семь писалъ Юлавчика сынъ.

Мечети Казанскія выстроены по Бухарскому вкусу. Онѣ состоятъ изъ большаго длиннаго, двухъ-этажнаго каменнаго дома, на срединѣ коего подымается вверхъ высокая и узкая башня, — минаретъ; на остроконечной ея вершинѣ укрѣпленъ металлическій полумѣсяцъ. Изъ отверстія этой башни пономарь ежедневно крикомъ

князя Глинскаго, приступили къ Казани и были встрѣчены съ ополченіями Казанскихъ и Астраханскихъ Татаръ, предводимыхъ Сафа-Гиремъ. Татары были разбиты и осаждающіе завоевали острогъ. (Повѣствованіе о Россіи кн. IV стр. 111.)

своимъ приглашаетъ Татаръ въ храмъ на молитву. Нижній этажъ этого зданія отдается въ намъ для складки товаровъ, а въ верхнемъ происходитъ Богослуженіе. Онъ раздѣленъ на 2 половины. Въ передней, пришедшіе молиться, оставляютъ туфли, башмаки, или сапоги. Здѣсь же нѣкоторые остаются, кои не почитаютъ себя достойными быть съ прочими въ главной храминѣ. Въ главное отдѣленіе храма ведетъ по срединѣ большая дверь, а съ обѣихъ сторонъ маленькія. Здѣсь по прямой линіи въ стѣнѣ представляется узкая ниша, обращенная къ той сторонѣ, гдѣ Мекка; эта ниша называется михрабъ. Въ ней на доскѣ лежитъ Алкоранъ. Мулла сидитъ у самой ниши, а молящіеся позади его стоятъ, или сидятъ по линіямъ, одинъ подлѣ другаго, и молятся по примѣру муллы всѣ вдругъ, въ различныхъ позиціяхъ, съ величайшимъ благоговѣніемъ. На правой сторонѣ въ углу стоитъ деревянная готическая каеэдра, съ четырьмя ступеньками; мулла, держа въ рукахъ предлинную палку, читаетъ наизусть какую-либо главу изъ Алкорана. Надъ дверью, на супротивъ ниши, поставленъ на столбикахъ маленькій балконъ для мальчиковъ. На потолокъ виситъ большая люстра, а по стѣнамъ маленькія жирандоли. По обѣимъ сторонамъ ниши иногда къ стѣнѣ приклеиваются красиво писанные Арабскіе стихи изъ Алкорана. Полъ устланъ коврами. У самаго входа въ мечеть находится

колодезь, а вокругъ всей мечети выкрашенныя рѣшетки.

Татары, какъ и всѣ Магометане, обязаны по уставу Алкорана, пять разъ въ сутки, молиться; а именно: 1) утромъ рано, передъ восхожденіемъ солнца (иртаги намазъ), и при этой молитвѣ дѣлаются 12 поклоновъ. 2) Въ полдень (уйлэ); здѣсь 30 поклоновъ. 3) За часъ передъ захожденіемъ солнца (икиндэ); здѣсь 12 поклоновъ. 4) Вскорѣ послѣ захожденія солнца (ахшамъ); здѣсь 15 поклоновъ. 5) Вечеромъ, въ зимнее время въ 8 часовъ, а въ лѣтнее въ 10 часовъ (ясыгъ); здѣсь 29 поклоновъ.

Богослуженіе въ мечети совершается слѣдующимъ образомъ: азанчи съ минарета кричитъ азанъ, по которому народъ собирается въ мечеть въ продолженіи 15 минутъ. Всякій пришедшій занимаетъ свое мѣсто и садится на колына, образуя нѣсколько линій. Мулла, сидѣвшій до начатія Богослуженія лицомъ къ народу предъ михрабомъ (нишь), встаетъ съ мѣста и оборачивается лицомъ на михрабъ, то есть въ ту сторону, гдѣ Мекка; его же примѣру послѣдуетъ и народъ.

Вставши на ноги, каждый челоувѣкъ готовится къ молитвѣ, поднимаетъ обѣ руки вверхъ и касается большими пальцами мякиша ушей; при этомъ всѣ говорятъ тихо: Аллаху-экберъ (т. е. Богъ великъ); потомъ руки опускаютъ и кладутъ обѣ ладони на пупокъ. Тутъ, начиная съ муллы до послѣдняго молящагося,

каждый читаетъ про себя первую главу изъ Алкорана; за этой главой тотчасъ читаютъ какую-либо суру изъ Алкорана. Прочитавши, дѣлаютъ поклонъ въ поясъ, сопровождаемый словомъ: Аллаху-экберъ; находясь въ этой позиціи, читаютъ слѣдующія слова до трехъ разъ: Благословенъ мой Господь Высочайшій! Подымаютъ голову со словомъ: Богъ великъ! Потомъ дѣлаютъ земной поклонъ, со словомъ Аллаху-экберъ, и во время этого произносятъ слѣдующіе слова до трехъ разъ: Благословенъ мой Господь великій! Приподымаются на колѣни, опять кланяются въ землю, произносятъ вышеписанныя слова. Потомъ они встанутъ на ноги и повторяютъ опять ту же главу и суру, тѣ же самые слова и молитвы, тѣ же самые поклоны, какъ и прежде. Наконецъ, прочитавъ А-тахійятъ оборачиваютъ головы прежде на право съ призываніемъ высшихъ небесныхъ силъ, потомъ на лѣво съ такимъ же призываніемъ. Это все дѣлается сидя на колѣняхъ и оканчивается какою-либо маленькою молитвою. Вотъ ходъ утренняго моленія называемаго ики ракэгатъ суннетъ.

Въ слѣдъ за симъ начинается ики ракэгатъ фарызъ такимъ образомъ: азанчи, вставши съ мѣста, произносятъ каметь, т. е. тихій азанъ; вскорѣ за симъ мулла и всѣ молящіеся встанутъ вдругъ на ноги, и приготовляются къ молитвѣ по вышесказанному порядку, съ тою только разницею, что руки подымаютъ, по примѣру муллы,

вверхъ, всѣ вдругъ, и касаются оными мякиша ушей; опуская руки внизъ, кладутъ оныя ладонями на пупокъ и читаютъ маленькую молитву. Послѣ этого, мулла громкогласно читаетъ 1-ю же главу изъ Алкорана и какую-либо суру, а молящіеся благоговѣнно слушаютъ. По прочтеніи муллою 1-й главы изъ Алкорана, молящіеся произносятъ аминь; а по прочтеніи суры, дѣлаютъ поклоны и повторяютъ молитвы тѣже самыя, какъ и при суннетѣ, исключая одной молитвы, употребляемой при 1-мъ поклонѣ, которую читаетъ одинъ только мулла, а молящіеся про себя тихо произносятъ слѣдующія слова: Богъ слышитъ того, кто благословляетъ Его.

Послѣ сего, вставши на ноги, читаетъ мулла опять 1-ю главу и суру, и повторяютъ тѣже поклоны, какъ и прежде; потомъ, сѣвши на кольна, читаютъ Аттахійятъ, и обращаются лицомъ на право и на лѣво, какъ и прежде. Послѣ прочтенія муллою отрывка изъ Алкорана Аллаху-ля, молящіеся перебираютъ четки, а за неимвнѣемъ оныхъ, счетъ дѣлаютъ по суставамъ пальцевъ.

Наконецъ по окончаніи переборки четокъ, мулла читаетъ ясынъ, и тѣмъ окончивается ики ракэгать фарызъ утренней молитвы; слѣдовательно, во время утренней молитвы, кладутъ 12 поклоновъ.

Богослуженіе остальныхъ 4-хъ разрядовъ, какъ то: 1) Уйлэ: дюртъ ракэгать суннетъ, дюртъ ракэгать фарызъ и ики

ракэгатъ суннетъ, съ 30 поклонами, 2) Икиндэ: дюртъ ракэгатъ фарызъ съ 12 поклонами. 3) Ахшамъ: учь ракэгатъ фарызъ и ики ракэгатъ суннетъ съ 15 поклонами, 4) Ясыгъ: дюртъ ракэгатъ фарызъ, ики ракэгатъ суннетъ и учь ракэгатъ витиръ ваджибъ намазъ, съ 29 поклонами, совершается точно также, какъ и утренняя молитва съ повтореніемъ тѣхъ же поклоновъ и молитвъ.

Въ пятницу, въ полдень, Джумага-намазы имѣтъ: ики ракэгатъ тахійятъ мечеть намазы, дюртъ ракэгатъ суннетъ; послѣ этаго мулла идетъ на каѳедру и читаетъ хутьбу; по окончаніи хутьбы, мулла читаетъ молитву за Русскаго Государя, Августѣйшую Его Фамилію и за воинство; а послѣ молитвы, сходитъ съ каѳедры и становится на свое мѣсто предъ михрабъ. Потомъ ики ракэгатъ фарызъ, дюртъ ракэгатъ суннетъ, дюртъ ракегатъ ахыръ-уйлэ намазы и ики ракэгатъ ушбу вахытъ намазы. Всего поклоновъ 54; вся служба Пятницы совершается, какъ въ прочіе дни, по утру.

Въ то время, когда мужчины отправляютъ Богослуженіе въ мечетяхъ, женщины молятся дома.

Только по Пятницамъ въ полдень мулла въ мечети съ важностію всходитъ на каѳедру, держа въ рукахъ длинную березовую палку.

Вступивъ на вторую ступеньку каѳедры, садится, какъ бы уставши, потомъ поднимается выше; тогда пономарь (азанча) приближается къ нему и тихо говоритъ *Азанъ*, т. е. самую ту молитву, которую онъ передъ этимъ громко прокричалъ съ минарета. Мулла, наклонившись на палку, печально и гнусливымъ голосомъ произноситъ *хутъбу*, или проповѣдь, состоящую изъ весьма короткихъ наставленій и оканчивающуюся произнесениемъ первой главы *Алкорана*.

На вопросъ мой: почему у Татаръ муллы говорятъ проповѣдь, съ палкою въ рукъ, между тѣмъ какъ у Турокъ это дѣлается съ саблею въ рукъ? мнѣ отвѣчали, что въ земляхъ, завоеванныхъ вооруженною рукою, употребляется на каѳедрѣ сабля, а въ земляхъ, покоренныхъ безъ кровопролитія, употребляется при упоминаніи случая палка.

Мулла Сейфулла-Кази Муртазинъ сообщилъ мнѣ маленькую рукопись на Татарскомъ языкѣ, въ которой можно видѣть начала этого обряда; здѣсь для любопытства я прилагаю переводъ изъ нея. Когда Айдаръ-ханъ, въ 9-е лѣто отъ эгиры, началъ царствовать въ Болгарахъ, тогда Магометъ, для распространенія своей вѣры между язычниками, послалъ туда трехъ своихъ вѣропроповѣдниковъ Абдуръ-Рахмана, сына Зубирова, Хантала, сына Рабіа и Субейра, сына Джада; снабдивъ каждого изъ нихъ нужными вещами, кои бы они могли употреблять для произведе-

ніа чудесь , если потребно будетъ. Субеиру далъ онъ чернилицу , Ханталю тросточку , Абдуръ-Рахману чалму или турбанъ; пришедъ въ Болгары , они выдали себя за врачей и начали лечить отъ разныхъ болъзней. Дочь Айдаръ-Хана получила параличь , и хотя пользовали ее отъ этой болъзни многіе врачи , однако не было успѣха. Въ одинъ день Визирь Ханскій осмѣлился сказать ему : Высокомощный Ханъ ! Да сохранитъ Богъ здравіе твое на многія лѣта. Въ городъ нашемъ проживаютъ три Аравитянина , съ которыми никто изъ нашихъ врачей сравняться не можетъ въ леченіи разныхъ болъзней. Безъ сомнѣнія , они вылечатъ дочку твою. Но да будетъ тебѣ извѣстно , что вѣра ихъ отъ нашей различествуетъ. Ханъ , убѣжденный этими словами своего Визиря , повелѣлъ немедленно представить предъ его лице помянутыхъ Аравитянъ. Когда же сіи вѣропроповѣдники къ нему представились , то , послѣ обычныхъ Хану благопожеланій , Хантала , знавшій превосходно Турецкій и Румейскій языки , на вопросъ Ханской : откуда они и какой ихъ промыселъ , отвѣчалъ , что они изъ Медины и занимаются вылечиваніемъ болъзней. Ханъ сказалъ имъ , что дочь его уже 7 лѣтъ , какъ лежитъ больная , и спросилъ у нихъ , не имѣютъ ли они какого-либо средства къ возвращенію ей здоровія. На сіе Хантала отвѣчалъ , что напередъ надобно узнать качество одержавшей ее болъзни. По изслѣдованіи же сего всѣ единогласно сказали , что она поражена парали-

чемъ. Хантала же присовокупилъ, что для врачеванія этой болѣзни потребны ему древесныя вѣтви, и именно отъ березы; а какъ это дерево въ изобиліи находилось въ Ханскихъ владѣніяхъ, то ни мало немедля и принесены были отъ него вѣтви. Но какъ Хантала, посмотрѣвъ на нихъ, сказалъ, что онѣ старой березы, а ему нужны вѣтви съ нѣжной и молоденькой, то Ханъ отвѣчалъ, что въ зимнее время, отыскать такой невозможно. На эти слова Ханскія Хантала сказалъ: но мы съ Божіею помощію такую найдемъ, ежели вы примете нашу вѣру. Ханъ на это условіе согласился, только чтобъ они отыскали вѣтвь молоденькой березы и возвратили бы здоровье дочери его. Тогда вѣропрповѣдники данную имъ отъ Махомета чернилицу ставятъ на полъ и въ нее втыкаютъ тросточку. Потомъ Абдуръ-Рахманъ, надѣвъ на голову данную ему отъ Махомета чалму, произнесъ вслухъ молитву съ поклонами (рикаатъ). Когда онъ въ заключеніе ея сказалъ аминь, что повторили и два его товарища, тогда тросточка, воткнутая въ чернилицу, начала расти, распушаться въ маленькую березку, наконецъ вышиною сравнялась съ кровлею Ханскаго дворца, и распустила свои вѣтви. Тогда, связавъ нѣсколько вѣтвей въ вѣники и отведя больную въ баню, начали ее парить, отъ чего она тотчасъ и выздоровѣла. Удивленный симъ произшествіемъ, Ханъ немедленно принялъ Магометанскую вѣру.

Примѣру его послѣдовалъ и Бурадждъ съ прочими Визирями и гражданами. Наскоро построена мечеть и въ настоятели при оной определенъ Хантала, который при сказываніи проповѣди (Хутьба) опирался на воткнутую имъ въ чернилицу трость. Это произошло въ XII годъ отъ эгиры, или бѣгства Магометова, то есть въ годъ Барана, въ 26 день Рыбъ и въ XII Рамазанъ. Три эти товарища пробывши въ Болгарахъ десять лѣтъ и въ школѣ, учрежденной при мечети, давали тамошнимъ жителямъ наставленія въ правилахъ своей вѣры. Наконецъ Абдур-Рахманъ и Субеиръ возвратились въ Медину. Хантала же остался въ Болгарахъ, женился на вылеченной имъ дѣвицѣ и скончался уже въ глубокой старости.

У Казанскихъ Татаръ есть четыре праздника: два религіозные: Рамазанъ и Курбанъ; и два народные: Сабанъ и Джинъ.

I. РАМАЗАНЪ.

Рамазанъ, единственный постъ магометанъ, начался въ нынѣшнемъ году 30 Декабря въ Субботу и продолжался до вечера 29 Января. Извѣстно, что Магометъ въ Алкоранѣ своемъ установилъ, чтобы послѣдователи

его, для споспѣшествованія наитію благодати Божіей одинъ мѣсяць въ году постились. Правда, что законодатель сей не назначилъ такого поста съ опредѣленною, точностію; но его ученики постятся въ продолженіе дня со всею возможною строгостію; ночью же могутъ безпрепятственно ѣсть и пить, пока не разсвѣтаетъ такъ, что можно будетъ бѣлую нитку отличить отъ черной. Кто изъ нихъ въ сіе время былъ болѣнь, или находился въ дорогъ, тотъ въ другое время долженъ поститься равное число дней; тѣ же, кои сего не исполняютъ, должны, для отпущенія грѣховъ своихъ, кормить бѣднаго.

Постъ сей наиболее обременителенъ для людей рабочихъ тѣмъ, что онъ требуетъ во весь день совершеннаго воздержанія отъ питья. Поелику же время поста ежегодно бываетъ ранѣе одиннадцатію днями, и потому иногда случается въ самые сильныя жары, когда сверхъ того и дни бываютъ очень длинны; то легко можно представить себѣ мученіе магометанина, который на открытомъ полѣ, при трудной работѣ и несносномъ жарѣ, слѣдуя обычаю, не смѣетъ даже утолить изнуряющей его жажды.

Здѣшніе Татары ежедневно собирались въ мечетяхъ своихъ, исправляя съ величайшимъ, только имъ свойственнымъ, благоговѣніемъ обыкновенныя ихъ молитвы. Тутъ примѣтилъ я также одного Дервиша, или магометанскаго монаха, окутаннаго съ ногъ до головы кускомъ бѣлаго

холста. Въ продолженіе Рамазана, поздно по вечерамъ, насытившись напередъ дома, они поютъ составленную для сего поста духовную пѣснь, особеннымъ страннымъ, жалкимъ гнусливымъ голосомъ. Я перевелъ съ Арабскаго языка эту пѣснь, и для удовольствія и любопытства читателей при семъ ее сообщаю.

Достойная хвала буди Господу и Властителю міровъ; всякая хвала подобаетъ Всечтимому, Великому, Всемогущему, Всевышнему и Премудрому Богу; хвала буди Царю, отъ вѣка Живому; святъ и непороченъ Царь Ангеловъ и Гавріила. Нѣсть Бога, кромъ Бога; просимъ у Него прощенія, и умоляемъ, да даруетъ намъ рай и удалить насъ отъ огня геенскаго.

Послѣ полднейной молитвы мулла съ кафедры говоритъ слѣдующее поученіе:

Я вамъ завѣщаю, служители Божіи, такъ какъ и самому себѣ, быть богобоязливыми; ибо Богъ съ любящими Его и боящимися Его всегда пребываетъ.

Кто ищетъ Бога, отъ того Милосердый не отвращается; для жаждущаго наставленій достаточно Алкорана.

Кто желаетъ видѣть примѣръ разрушенія міра, тотъ пусть взглянетъ на могилы. Если недовольно сего, сама смѣрть можетъ убѣдить въ этомъ.

Я прибѣгаю къ Богу и отвращаюсь отъ проклятаго сатаны.

Каждый человѣкъ долженъ вкусить смѣрть; мы васъ искушали, говоритъ Господь, въ добръ и злѣ, и вы къ намъ непременно обратитесь.

Да благословитъ Богъ насъ и васъ въ своемъ великомъ Алкоранъ.

Да воспользуемся его премудрыми изреченіями; и я прошу прощенія у милосердаго Бога за себя, за васъ и за всѣхъ правовѣрныхъ мусульманъ: Богъ милосердъ, Всемиловитъ, Всещедръ, Всемогущъ и Преправеденъ!

Цѣлую ночь съ 26-го на 27-й день поста (въ нынѣшнемъ году Генваря 25-го), называемую ими Алкадръ, или торжественною ночью, мечети были наполнены молящимися. Ни малолѣтныя, ни взрослые не должны спать во всю ночь. Тѣ, кои не ходили въ мечеть, пили въ домахъ чай съ своими знакомыми, для прогнанія сна. Въ эту ночь, по магометанскому ученію, ангелы, по повелѣнію Божию, нисходятъ на землю для исполненія Божескихъ опредѣленій. Блаженство, спасеніе, говорятъ они, царствуетъ во всю ту ночь до разсвѣта; ибо въ сію ночь данъ Алкоранъ.

Въ 27 день Рамазана была раздаваема бѣднымъ милостыня; это называется Зекатъ. По законамъ, каждый долженъ удѣлить на сіе десятую часть имѣнія своего; но здѣшніе Татары ограничили это постановленіе до того, что считаютъ только наличныя деньги и деньги въ товаръ, не включая сюда недвижимаго имѣнія, какъ то дома и на зиму заготовляемые припасы. Каждый дѣлаетъ показаніе своихъ подаяній и означаетъ въ немъ сумму, которую онъ намѣренъ раздать во первыхъ мулламъ и азанче-

ямъ, а потомъ и бѣднымъ. Казанскіе, нынѣ богатѣйшіе, торговые Татары, каковы Юнусовъ, Апанаевъ, Исай, Баширъ Аитовъ, Суюровъ, Юсупъ Курбангалей Ахмери, Муртаза Кашаи, Апаковъ и нѣкоторые другіе, употребили на сіе значительныя суммы. Уже 28-го Генваря нѣкоторые зоркіе Татары увидѣли на той сторонѣ Волги, по захожденіи солнца, новый мѣсяцъ, между тѣмъ какъ въ Казани горизонтъ слегка покрытъ былъ тонкими облаками. Тотчасъ сіе извѣстіе дошло до Казани, гдѣ въ вслѣдующій вечеръ, новый мѣсяцъ также былъ видимъ многими. Тутъ, казалось, исчезло все сомнѣніе; но не смотря на то, между здѣшними двумя Ахунами произошелъ сильный споръ, въ которомъ одинъ изъ нихъ отвергалъ справедливость столь ранняго появленія мѣсяца. Впрочемъ, съ 28 Генваря перестали пѣть вышеприведенную пѣснь, и наконецъ послѣ многихъ противорѣчій и споровъ заключили, что въ Понедѣльникъ (29 Генваря) кончится Рамазанъ. Множество Татаръ толпилось около мечетей, отыскивая съ великимъ безпокойствомъ, на горизонтъ, по захожденіи солнца, новаго мѣсяца, и 29 Генваря они въ самомъ дѣлѣ имѣли удовольствіе ясно увидѣть его. Нынѣ Рамазанъ продолжался только 29 дней, потому что новый мѣсяцъ довольно рано показался; въ случаѣ же непоявленія его, Рамазанъ продолжался бы еще одинъ день. Здѣсь я долженъ замѣтить, что Татары не полагаются на нашъ календарь, и

потому никогда не справляются съ нимъ объ измѣненіяхъ луны. (1)

Назадъ тому 10 лѣтъ, первый день послѣ Рамазана празднуемъ былъ въ лѣтнее время (2). Тогда въ Пятницу по утру въ 8 часовъ, всѣ Татары, старики и молодые, числомъ болѣе 6,000 человекъ, собрались не подалеку отъ Новой Татарской Слободы, и тутъ подъ открытымъ небомъ отправляли свое Богослуженіе. Видѣ такого множества людей, въ величайшемъ порядкѣ расположенныхъ, при частыхъ поклонахъ и паденіи внизъ, во время молитвы, былъ весьма поразителенъ, и безъ сомнѣнія, сильно долженъ дѣйствовать на зрителя. Молитва начинается, когда, по ихъ выраженію, солнце на небѣ достигнетъ высоты дерева, и потому, смотря по времени года, ранѣе и позже. Потомъ всѣ пошли на кладбище, гдѣ были прочитаны нѣкоторыя главы изъ Алкорана. Симъ кончился Рамазанъ и каждый возвращался домой къ обѣ-

-
- (1) Въ здѣшней Адмиралтейской Слободѣ Татары отправляли сей праздникъ 29 Января, а живущіе въ самомъ городѣ 30-го, т. е. однимъ днемъ позже.
- (2) Въ 1814 году, Сентября 4 числа, сей праздникъ былъ отправляемъ на открытомъ полѣ. Также и въ 1815 г. Августа 25 дня, а въ 1817 г. и въ нѣкоторые послѣдующіе годы оный празднуемъ былъ только въ мечети, по причинѣ неблагопріятной погоды. Въ 1823 г. Мая 29, въ присутствіи Г. Сенатора Соймонова, было самое торжественное отправленіе этаго праздника на полѣ между двухъ Татарскихъ Слободъ. Нынѣ же, по лунному Магометанъ счисленію, сей праздникъ уже совершенъ былъ зимою.

ду. День этотъ называется у нихъ Хайдъ, и для празднованія его они пекутъ ожаренные въ маслѣ слоеные пирожки, которые ѣдятъ, намазывая медомъ, и называютъ Байрамъ-ашъ или праздничное кушанье. Въ сей день, такъ какъ и въ оба слѣдующіе, Татары ходятъ одинъ къ другому, въ гости, поздравляютъ съ праздникомъ и другъ друга угощаютъ.

II. Курбанъ.

По прошествіи двухъ мѣсяцовъ послѣ Рамазана, бываетъ у Магометанъ другой праздникъ называемый Курбанъ. На Арабскомъ языкѣ слово сіе означаетъ приношеніе, жертву. Цѣль, съ которою Магометъ учредилъ сей праздникъ, есть та, чтобы народъ его не забывалъ должной покорности Богу, чему примѣромъ и образцомъ, достойнымъ подраженія, поставилъ онъ Авраама, приносившаго въ жертву для исполненія воли Божіей, единственнаго сына своего. Опредѣленіе времени сего праздника здѣсь бываетъ сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями. Какъ нынѣ въ первые дни новолунія горизонтъ покрытъ былъ облаками, то и не могли здѣшніе Татары, не видя мѣсяца, вести точнаго счета времени, а это произвело большое разногласіе между двумя здѣшними Ахунами. Почтенный старикъ Ибрагимъ Эффеида (3) назначалъ 11

(3) Сія статья писана была нѣсколько лѣтъ назадъ. На мѣсто Ибрагима Эффеида поступилъ Мулла Му-

Ноября днемъ праздника, однако всѣ согласились съ другимъ молодымъ Саттаромъ, принимавшимъ для того слѣдующій день. Только философамъ (4), говорилъ послѣдній, прилично располагаться, сообразуясь теченію луны: добрый Мусульманинъ не такъ поступаетъ; онъ охотно ждетъ два или три дня болѣе, пока наконецъ ясно увидитъ мѣсяцъ на небѣ, и потому не имѣетъ нужды справляться съ книгою. Съ вечера предыдущаго дня каждый воздерживался отъ пищи до полудня праздничнаго дня, въ который ѣли принесенныхъ въ жертву скотовъ. Иные постятся съ перваго дня новолунія, или въ продолженіи 11 дней, но по своимъ правиламъ, т. е. воздерживаются отъ пищи и питья только днемъ, ночью же ѣдятъ досыта. Девятый день называется день Гарафы (5). Послѣ главнаго пуб-

---

стафа Хафизъ, который нынѣ находится въ Меккѣ, а должность его исправляетъ ученый мулла Сейфулла Муртазинъ Каси; нынѣшній же Муктасибъ называется Нуръ Мухаммедъ.

- (4) Симвъ словомъ Татары означаютъ ученыхъ, просвѣщенныхъ людей вообще, такъ какъ и тѣхъ, кои имѣютъ хотя нѣсколько вольный образъ мыслей. Простолудины изъ Татаръ сдѣлали мнѣ слѣдующее, забавное опредѣленіе философа: « Философъ есть Татаринъ, пьющій вино съ Русскими.»
- (5) Симвъ именемъ называется, совершаемый Пилигримами въ Меккѣ на канунѣ праздника Курбана, церемоніаль; они, собравшись у горы *Гарафа*, отъ которой и самый день этотъ получилъ названіе Гарафы, отправляются въ долину Мина, гдѣ послѣ публичныхъ молебствій, совершаемыхъ въ продолженіи ночи, на утро въ десятый день, приступаютъ къ заколонию приготовленной жертвы.

личнаго молебствія мусульмане въ продолженіи трехъ дней въ концѣ каждой молитвы произносятъ такбиръ (6), состоящій въ слѣдующихъ словахъ: Аллягу акбаръ, Аллягу акбаръ, ля иллягу ила иллягу ва аллягу акбаръ, аллягу акбаръ, ва иллягуль хамедъ, то есть: Великій Боже! Великій Боже! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Бога Великаго, Бога Великаго — Хвала Богу! Сей такбиръ называется Танърыкъ.

При наступленіи сего праздника, за часъ до восхожденія солнца, магометане, собравшись въ мечеть, читаютъ молитвы, относящіяся къ празднику Курбана и состоящія въ двухъ рикаатахъ (7).

Въ первомъ рикаатѣ, послѣ обыкновеннаго такбира, совершаютъ еще три такбира. Каждый изъ сихъ послѣднихъ состоитъ въ произношеніи до трехъ разъ словъ: аллягу акбаръ, аллягу акбаръ, аллягу акбаръ! и опущеніи рукъ (8).

По окончаніи 2-го рикаата опять совершается три такбира такимъ же образомъ.

(6) Молитва.

(7) Наклоненіе головы молящагося называется рикаатъ.

(8) Каждый такбиръ сопровождается слѣдующимъ положеніемъ молящагося: магометанинъ, поднимаетъ руки, касается ими ушей своихъ и, произнесши: Аллягу акбаръ — Великій Боже! въ ту же минуту опять опускаетъ къ землѣ. Такое положеніе повторяется до 3-хъ разъ.

Потомъ имамъ всходитъ на кафедру и читаетъ хутьбу (9) на Арабскомъ языкѣ.

ХУТЬБА ПРАЗДНИЧНАЯ.

Хвала Богу, Хвала Богу, Хвала Богу, украсившему небо звѣздами и планетами, сотворившему землю, и воды, и источники, и моря, смѣняющему день ночью и ночь днемъ, создавшему и Рай, и Адъ, и Ангеловъ, служащихъ Ему и благоговѣющихъ предъ Нимъ, Богу, который вѣрующимъ въ Него обѣщаль Рай, наполненный чистыми водами, а нечестивымъ въ наказаніе огонь Ада.

И мы свидѣтельствуемъ, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога, Единаго, Всемогущаго.

Свидѣтельствуемъ, что Мухаммедъ, рабъ Его и посланникъ, избранный Его. Да будетъ благословеніе Божіе надъ нимъ, домомъ его и избранными его послѣдователями.

Да будетъ благословеніе Божіе въ особенности надъ имамомъ, первымъ и превосходнѣйшимъ послѣдователемъ изъ друзей Мухаммеда, повелителемъ Правовѣрныхъ, имамомъ благочестивыхъ Абубекиромъ, другомъ истины и преданнымъ съ ревностію пророку Божію во всякомъ трудномъ дѣлѣ.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ знаменитымъ имамомъ правымъ судіею, повелителемъ правовѣрныхъ и имамомъ благочестивымъ Ома-

(9) Проповѣдь.

ромъ Алфарукомъ, справедливымъ карателемъ невѣрныхъ и злочестивыхъ.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ знаменитымъ имамомъ, примѣромъ кротости, повелителемъ правовѣрныхъ и имамомъ благочестивыхъ, Османомъ, обладателемъ ума блестящаго и сокровищницей смиренія и добродѣтели.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ знаменитымъ имамомъ, единственнымъ воиномъ, повелителемъ правовѣрныхъ, и имамомъ благочестивымъ и добродѣтельнымъ Алиемъ, вѣрнымъ исполнителемъ священныхъ обязанностей, дверью наукъ и таинствъ.

Да будетъ благословеніе Божіе свѣтомъ очей Алія, радостію слуха его, утѣшеніемъ (10) рамень, внуками пророка, предметомъ любви для дочери Мухаммеда, вождями жителей Рая Хассаномъ и Гуссейномъ.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ благочестивыми ихъ дядями, Хамзой и Аббасомъ. Они были чисты и безгрѣшны тѣломъ.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ союзниками и товарищами Мухаммеда и надъ всѣми толпами послѣдователей пророка, участвовавшими въ бѣгствѣ его.

Да будетъ благословеніе Божіе надъ всѣми правовѣрными послѣдователями его.

(10) Хассанъ и Хуссейнъ, ласкались безпрестанно къ отцу своему Алію съ сыновнею горячностію, часто бросались въ объятія его и садились на плеча къ нему.

И я привѣтствую ихъ хвалою вѣчною, усердною.

Здѣсь начинаетъ имамъ говорить поученіе, послѣ котораго даетъ наставленіе, какимъ образомъ должно поступать при разрѣзаніи жертвы. Это онъ сообщаетъ на Татарскомъ языкѣ.

По утру, въ самый праздникъ, служба въ мечетяхъ началась ранѣе обыкновеннаго. Послѣ общихъ молитвъ, мулла пѣлъ съ кафедры слѣдующія стихи на Арабскомъ языкѣ, кои прилагаются здѣсь въ переводѣ:

1-е) Говори воинству: молитвы мои, богослуженіе, жизнь и смерть моя посвящены Господу всѣхъ тварей, и нѣтъ Ему равнаго. Сіе мнѣ повельно, и я есмь первый муслимъ (музельманъ, правовѣрный).

2-е) Господи! Восприми отъ меня сію жертву, Тебѣ приносимую отъ искренняго сердца: не отрини ее отъ лица Твоего и вмѣни мнѣ оную въ награду, о Великій Боже!

Сшедши съ кафедры, имамъ читаетъ стихи изъ Алкорана, называемые Айятъуль курси, и одну суру (11) оттуда же, послѣ чего магометане, могутъ закалать жертвы.

По окончаніи службы (12) всякій спѣшитъ домой для заколанія въ жертву приготовленныхъ скотовъ. Это дѣлается съ такимъ разчи-

(11) Глава.

(12) Въ 1834 году курбанъ отправляемъ былъ 8 Апрѣля. Въ 1833 году онъ былъ празднованъ на открытомъ полѣ, въ присутствіи Г. Военнаго Губернатора Стрекалова, Апрѣля 19 дня.

сленіемъ, что овца или баранъ кладется на одного, корова же или верблюдъ на семерыхъ человекъ; и потому каждый отецъ семейства рассчитываетъ, по числу членовъ его фамилии, и число жертвенныхъ скотовъ, не забывая при томъ бѣдныхъ, и особенно муллъ, при семъ случаѣ питаемыхъ. Хозяинъ дома, или начальникъ семейства, кто бы онъ ни былъ, Князь, Мурза, или мѣщанинъ, долженъ самъ собственноручно заколотъ хотя одного жертвеннаго скота. Голову таковыхъ скотовъ въ семъ случаѣ обращаютъ они къ Меккѣ, и, нанеся смертельный ударъ, произносятъ имя Бога.

Въ сей день я былъ у здѣшняго кушца Юсупа Исмагиль Угли (сына) Апанаева, приготовившаго для жертвы множество овецъ, нѣсколько коровъ и одного верблюда. Онъ самъ съ своими людьми рѣзалъ ихъ, между тѣмъ какъ посреди двора кипѣлъ большой котелъ воды, въ который бросили части еще полуживыхъ скотовъ для завтрака. Непрошло полчаса, какъ котелъ наполнился мясомъ, которое они, по двукратномъ вскипѣніи, съ жадностію вытаскивали и ѣли, прихлебывая бульономъ, во имя Бога. Нѣкоторыя части (верблюжьи), ни мало не уварившіяся, дрожали еще при разрѣзываніи ихъ.

Изъ любопытства я отвѣдывалъ мясо верблюжье; оно гораздо краснѣе говяжьяго, близко вкусомъ къ нему, но нѣжнѣе и слаще. Бульонъ его особенно имѣетъ очень тонкій и пріятный вкусъ. Какъ не магометанину, мнѣ не воз-

можно было въ тотъ день обѣдать съ ними вмѣстѣ и потому я долженъ былъ довольствоваться особымъ столомъ. Насытившись сами, Татары не забыли бѣдныхъ, коимъ разослали остатки. Послѣ обѣда каждый идетъ въ гости къ роднымъ, или знакомымъ, и тутъ за чаемъ желаютъ другъ другу счастья. (13)

III. САБАНЬ.

Этотъ древній народный Татарскій праздникъ отправляется въ каждую весну, и всѣ Татары принимаютъ въ немъ большое участіе. Нынѣ онъ происходитъ на большомъ лугу, окруженномъ съ лѣвой стороны холмами, кои покрыты кустарниками; лугъ сей находится къ Югу отъ новой Татарской Слободы разстояніемъ съ версту, отъ города же три версты. Слово Сабань означаетъ соху или плугъ, а самый праздникъ долженъ означать, что оживляющая природу весна призываетъ къ воздѣлыванію полей и оранію земли. Въ сосѣдственныхъ татарскихъ деревняхъ праздникъ сей отправляется, какъ скоро снѣгъ сойдетъ съ полей.

Въ Казани Сабань назначается позже, потому что мѣсто, на которомъ онъ бываетъ, потопляется

---

(13) Мѣсяць, въ которомъ праздникъ Курбанъ совершается есть 12-й мѣсяць, по магометанскому календарю, называемый Зюль-Хаджи. Татарскій новый годъ въ 1834 г. былъ 28 Апрѣля, а по ихъ счисленію, 1250.

весною отъ разлитія Волги. Сабань начинается съ Пятницы и продолжается цѣлую недѣлю до слѣдующей Пятницы (*). Всѣ Татары, старые и малые, собираются около полудня, и дѣлаютъ изъ веревки кругъ, около коего сидятъ или стоятъ зрители. На средину круга выступаютъ два борца, изъ молодыхъ и здоровыхъ Татаръ, которые кушаками своими такимъ образомъ обвязываются, что оба охватываютъ ихъ руками и, наклонившись повертываютъ другъ друга то въ ту, то въ другую сторону, стараясь одинъ другаго повалить на землю. Борьба эта продолжалась иногда довольно долго, иногда скоро оканчивается, смотря по силѣ борцовъ. Если кто кого поборетъ, то поднимается громкой смѣхъ зрителей, а торжествующій побѣдитель, оставляя мѣсто сраженія, получаетъ подарокъ, или вмѣсто его деньги, отъ десяти до двадцати копѣекъ. На этотъ предметъ деньги собираются отъ богатыхъ Татарскихъ купцовъ. Для наблюденія при семъ празднествѣ порядка, многіе изъ Татаръ, какъ блюстители за нравственностію, ходятъ въ кругу съ длинными палками, означающими ихъ должности. Какъ скоро побѣжденный находитъ себя обиженнымъ, то эти, такъ называемые бурмистры, стараются прекратить ихъ ссору. Такъ

(*) Въ 1834 году сабань былъ съ 25 Мая до 1 Юня. Нынѣ Татары въ первый разъ пригласили Русскихъ на свой праздникъ посредствомъ герольда, имѣвшаго въ рукѣ длинную палку, на концѣ которой вѣялъ пестрый платокъ, и ходившаго по улицамъ Казанскимъ.

же имѣютъ они попеченіе прискивать борцовъ , преклоняя ихъ къ сему ласками , или деньгами. Конечно это не бываетъ безъ шума , однакожъ дѣйствительныхъ ссоръ никогда не случается, потому что распорядители праздника умѣютъ скоро возстановить спокойствіе. Борцы, во время сраженія , подобны бываютъ двумъ пляшущимъ медвѣдямъ, которые хотятъ другъ друга укусить и пожрать. При семъ праздникъ бываетъ также и большое собраніе Русскихъ изъ всѣхъ состояній ; а въ послѣдніе дни праздника часто и многіе изъ знатнѣйшихъ въ городѣ Дворянъ. Татары кажется въ играхъ сихъ находятъ весьма большое удовольствіе , между тѣмъ, какъ они многимъ могутъ казаться единообразными и скучными. Татарскій богатырь , умѣющій хорошо бороться , чрезъ подарки можетъ приобрести довольно значительную сумму.

Кромѣ борьбы , бываетъ еще скачка на лошадахъ и бѣганье. Въ награжденіе побѣдителя дается носовой платокъ , который вѣшаютъ на длинную палку , выставляемую при концѣ бѣга. Бѣговья ихъ лошади малы , невидны и худощавы, однакожъ бѣгаютъ хорошо , и сѣдоки, которыми обыкновенно бываютъ мальчики , умѣютъ хорошо управлять ими.

Совсѣмъ другаго рода игра , и рѣдко бывающая , есть слѣдующая : четверо и болѣе Татаръ ложатся брюхомъ на землю плотно одинъ къ другому , и покрываются широкою плотною кожею. Одинъ изъ Татаръ , называемый въ сей

игръ атаманомъ, долженъ защищать лежащихъ отъ нападенія другихъ, которые со всѣхъ сторонъ жгутами, свитыми изъ кушаковъ, стараются жестоко ударить лежащихъ. Атаманъ всячески изыскиваетъ случай ударить кого-либо изъ нападающихъ; но ему впрочемъ не скоро это удается сдѣлать, потому что нападающіе, ударивши, тотчасъ убѣгаютъ прочь; а онъ, будучи привязанъ за руку веревкою, которую держатъ покрытые кожею Татары, не можетъ далеко ихъ преслѣдовать. Часто прыгаетъ онъ на покрытыхъ и перескакиваетъ чрезъ нихъ, чтобы какъ-нибудь коснуться ногою кого-либо изъ нападающихъ, и если ему это удается, то въ ту же минуту прочіе сильно бьютъ покрытыхъ кожею, такъ что тѣ принуждены встать, а нападающіе заступаютъ ихъ мѣсто.

Одна изъ примѣчательныхъ игръ въ Сабань есть слѣдующая: кругомъ сидятъ чловѣкъ 12, 15 или 20, въ разстояніи другъ отъ друга не болѣе 2-хъ шаговъ. Одинъ стоитъ за кругомъ съ довольно большимъ узломъ, составленнымъ изъ разныхъ Татарскихъ одеждъ, въ видѣ шара. Стоящій позади чловѣкъ передаетъ узелъ одному изъ составляющихъ кругъ, и самъ отходитъ назадъ на три шага. Въ это время тотъ передаетъ узелокъ другому, своему сосѣду, а этотъ бросаетъ его къ третьему и такъ далѣе: узелъ летитъ кругомъ, и молодець, сзади стоящій, за нимъ бѣжитъ, чтобы

поймать его. Когда это удастся ему сдѣлать, онъ смѣняетъ того изъ сидящихъ, у котораго поймалъ узель; тогда очередь пѣреходить къ другому, который продолжаетъ тоже. Только въ этой игрѣ соблюдаются два условія: одно со стороны сидящихъ, другое со стороны ловца; первые ни подъ какимъ видомъ не могутъ бросать узель чрезъ человѣка, и тѣмъ менѣе, чрезъ двухъ: онъ долженъ летѣть правильно и постепенно изъ однихъ рукъ въ другія; ловецъ же долженъ поймать шаръ у когонибудь изъ перебрасывающихъ его; а если онъ поймаётъ его на лету, или подниметъ съ земли, что часто случается когда кто-нибудь по своей неловкости уронить его, то это настоящимъ ловомъ не считается; въ такомъ случаѣ онъ долженъ опять отойти на три шага назадъ покуда узель получитъ свое кругообращеніе. Впрочемъ и то и другое правило ихъ условія нарушаются въ нѣкоторыхъ случаяхъ: первое, когда ловецъ слишкомъ проворенъ, такъ что самъ позволяетъ бросать узелокъ чрезъ два или три человѣка; второе, когда онъ слишкомъ устанетъ, то ему дѣлаютъ снисхожденіе и позволяютъ шаръ ловить на лету, или поднять съ земли.

Въ этой игрѣ часто достается ловцу, который хвастается своею ловкостію. Когда очередь доходитъ до такого самохвала, то всѣ члены круга единодушно стараются его измучить; въ это время они приподнимаются на колѣна, шаръ летитъ изъ рукъ въ руки съ такой бы-

стротой, что ловець всегда остается шага за 4 отъ него; если же, по чьей-либо неловкости ловець догонитъ шаръ, то другой бросаетъ его тотчасъ назадъ. Покуда охотникъ оборачивается и бѣжитъ въ ту сторону, узелокъ уже находится на нѣсколько шаговъ отъ него. Чтобы болѣе умучить хвастуна, бросаютъ шаръ неправильно, т. е. то чрезъ человѣка, то чрезъ двухъ, то вдругъ измѣняютъ направленіе его такъ, что бѣдный ловець не знаетъ, въ которую сторону бросаться?

Непроворные и неловкіе мало участвуютъ въ этой игрѣ, потому что имъ болѣе всего достается; если такой въ числѣ сидящихъ, то, по большой части, ловець у него поймаетъ узелокъ; если же онъ ловцемъ, то ему всегда приводится бѣгать безъ пользы, покуда другіе не уступятъ изъ сожалѣнія. Посему-то весь кругъ долженъ состоять изъ проворныхъ и ловкихъ людей.

Татарки также принимаютъ участіе въ семъ праздникѣ, хотя въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго зрѣлища. Въ сосѣдственныхъ кустарникахъ бываетъ много кибитокъ, изъ коихъ выглядываютъ закутавшіяся Татарки. Онѣ одѣваются на этотъ случай въ богатыя матеріи, весьма много натираютъ лица свои румянами и бѣлилами, налѣпливая разныя фигуры, или черныя тафтяныя кружечки, называемыя мушками. Если кто къ нимъ приближается, то длиннымъ рукавомъ своимъ покрываютъ большую часть

лица, однакожь скоро и оставляють это, когда не спускають съ нихъ глазъ. Въ самыхъ кустарникахъ повсюду видны пьющія чай Татарскія жены съ ихъ дѣтьми; и если кто хотя мало знакомъ съ семействомъ, то приглашается на чашку чаю. Только однимъ Татарамъ воспрещается всякой допускъ къ ихъ женскому полу.

Татары жалуются, что Русскіе привозять на праздникъ къ нимъ вино, отъ чего нѣкоторые изъ ихъ соотчичей, напиваясь допьяна, и не смотря на надзоръ, производять безпорядки. Для отвращенія сего и другихъ встрѣчающихся неудобствъ полиція каждый разъ посылаетъ сюда нѣкоторыхъ своихъ чиновниковъ, также нѣсколькихъ казаковъ. Извѣстно, что пить вино воспрещается Татарамъ ихъ закономъ.

Въ прежнія времена Татары отправляли этотъ праздникъ на Арскомъ полѣ, и давали подъ чистымъ небомъ открытый столъ, при чемъ бѣдные ѣли безденежно. Они называли такое угощеніе Туи; но это обыкновеніе исчезло, какъ скоро возрасла сила и могущество Россіянъ.

На праздникъ Сабанъ приходятъ смотрѣть и старцы. Если сберется ихъ много и наступитъ часъ захожденія солнца, то отправляютъ они тутъ вечернюю молитву. На чистомъ полѣ становятся въ прямую линію, и въ молчаніи отправляютъ свою молитву со всѣми покло-

нами, соблюдая величайшее благоговѣніе; это составляетъ весьма странную противуположность съ народомъ, предающимся веселію.

IV. Джинь.

Посль праздника Сабана, отправляемаго съ наступленіемъ весны, какъ въ самомъ городѣ Казани, такъ и въ сосѣдственныхъ Татарскихъ деревняхъ, слѣдуетъ другой, называемый Джинь. Этотъ послѣдній праздникъ въ самомъ городѣ болѣе не отправляется, но тѣмъ охотнѣе торжествуютъ его въ продолженіи семи недѣль, каждую Пятницу, поселяне многихъ деревень Казанской Губерніи, и при томъ подъ разными именами, что въ 1834 году было слѣдующимъ порядкомъ: 8-го Іюля празднество происходило подъ именемъ Шенбера, въ деревнѣ тогожъ имени; 15, подъ именемъ Казалджарь, въ деревнѣ Ульяхахъ; 22-го, Сарда и Березга, въ деревняхъ того же имени; 29-го Береза и Каракуджа, въ деревняхъ того же имени; 6-го Іюля, Мукши, въ деревнѣ Атна, и вмѣстѣ съ симъ Кушкабка, въ деревнѣ большой Битаманъ; 13-го Биктау, въ деревнѣ Саъ, и наконецъ 20 Іюля, Кабакъ, въ деревнѣ Менделей и въ деревнѣ Инзъ.

Какъ Сабанъ есть праздникъ для мужчинъ, такъ Джинь посвященъ Татарскимъ женщинамъ. По преданіямъ, начало его приписывается одному богатому Татарину, имѣвшему много доче-

рей, кои не могли найти удобнаго случая выдти замужъ. Отець выдумалъ хорошій способъ сдѣлать дочерей своихъ извѣстными: онъ пригласилъ въ Пятницу всѣхъ уваженія достойныхъ жителей своей деревни на пиръ, данный на полъ, гдѣ, угощая наилучшимъ образомъ, показывалъ своихъ дочерей. Симъ образомъ онъ нашли себѣ жениховъ и въ короткое время всѣ вышли замужъ. Съ того времени многіе отцы ежегодно съ дочерьми собирались на томъ мѣстѣ съ подобнымъ намѣреніемъ, и имѣли желаемый успѣхъ. Слѣдовательно цѣль сего праздника есть та, чтобы женщинъ, удаленныхъ у Татаръ отъ всякаго сообщенія съ мужчинами, сдѣлать извѣстнѣе послѣднимъ.

Желая узнать, какъ Татары празднуютъ это время, я ѣздилъ въ Татарскую деревню Саю, отстоящую отъ Казани почти на 30 верстъ. На другой день по пріѣздѣ моемъ, Татары мылись въ баняхъ, и притомъ мужчины прежде женщинъ. Вскорѣ послѣ бани я приглашенъ былъ къ обѣду, состоявшему изъ большаго блюда пельменей, иначе по Татарски называемыхъ казань-бюкмязи, изъ теплаго молока, въ которомъ было сварено ивишенье (особый родъ грибовъ) съ зеленымъ лукомъ, что у нихъ называется гумбаша; потомъ подали сливки съ каймакомъ, маленькіе круглые пирожки, называемые кимакъ, и яичницу. Около двухъ часовъ по полудни кончилось моленіе, и со всѣхъ сторонъ начало стекаться чрезвычай-

ное множество людей на поле, которое въ этотъ день назначено было мѣстомъ для праздника, гдѣ собралось болѣе 6,000 человекъ, пришедшихъ въ этотъ день изъ шестнадцати окруженныхъ деревень и изъ самой Казани. Тутъ наскоро построено было также нѣсколько лавокъ съ пряниками, орѣхами и проч., но ни гдѣ не было въ продажѣ вина. Нѣсколько Курайчевъ (Татарскихъ музыкантовъ), играя на самодѣльныхъ скрипкахъ, приглашали къ пляскѣ, которая позволительна у нихъ однимъ мужчинамъ; женщины смотрѣли только, сидя въ своихъ кибиткахъ. Я удивлялся, слыша тутъ Нѣмецкія и Французскія танцевальныя пѣсы, и смотря на пляску козачка. Естественно, я старался открыть причину этой странности, и узналъ отъ самыхъ Татаръ, что ихъ собственная плясовая музыка уже болѣе имъ не нравится, и что потому они предпочитаютъ ей козачка и проч. По мѣстамъ слышны были простонародныя Татарскія пѣсни; прилагаю здѣсь одну изъ нихъ въ переводѣ.

Какъ прекрасенъ величавый, свѣтлый мѣсяць, такъ ты любезна, подобно тихой звѣздѣ вечерней.

Какъ красивъ лоснящійся соболь, такъ ты привлекательна, подобно остистому бобру.

Какъ бы лишенный свѣта, я не могу жить безъ тебя, прекрасная (*)!

(*) Читатели, надѣюсь, извинять Русской переводъ какъ этой, такъ и слѣдующихъ пѣсень: вкусъ Татаръ и об-

Одинъ курайчь запѣль: я скрипку строю и струны не рвутся; къ тебѣ почувствовалъ я любовь, милая, и надежда моя будь всегда крѣпка (**)

Прекрасная Татарка спѣла въ отвѣтъ: гибокъ и красивъ станъ твой; какъ мѣсяць, изгибаются твои брови, свѣтлое лице твое въ сумракъ вечера блистаетъ.

Татарскій Бардъ (Джручи) пѣль къ своей красавицѣ: какъ ковыль твои волосы, все тѣло твое драгоценный камень, осыпанный базиликомъ: (***) сладки рѣчи твои, какъ весенняя пѣснь соловья.

разъ ихъ выраженія весьма разнятся отъ нашего; и потому недолжно удивляться, читая, что Татарская красавица, прекрасна какъ звѣзда вечерняя, уступаетъ однакоже въ красотѣ собою. Желательно было бы ознакомиться намъ съ Татарскою словесностію, которая при столь особенномъ отъ прочихъ народовъ вкусѣ, дышущемъ восточною пышностію, имѣетъ свои собственные красоты, почти невыразимыя на другихъ языкахъ.

(**) Главная красота сей пѣсни состоитъ въ игрѣ словъ, которой неможно выразить на нашемъ языкѣ. Курайчь сравниваетъ свою надежду со струнами, кои, выдерживая сильное напряженіе при разстраиваніи инструмента, *не ломаются*: его надежда подобна имъ, хотя и находится въ томъ же напряженіи, по причинѣ неувѣренности во взаимности его любезной, однако пребудетъ тверда, *не ломаетъ*.

(***) Базиликъ (*Ocimum basilicum*) есть любимый цвѣтокъ Татаръ, по крѣпкому его запаху. Здѣшніе Татары устанавливаютъ лѣтомъ свои окна горшками съ бальзаминами, капульцынами, базиликами и очень рѣдко съ другими цвѣтами.

Чтобы еще болѣе возвысить удовольствіе при столѣ великомъ праздникѣ, Татары стрѣляли изъ пистолетовъ; частые выстрѣлы, мѣшаясь съ шумомъ разговоровъ и пѣсень, со ржаніемъ лошадей, съ жалобнымъ, гнусливымъ пѣніемъ Татарокъ и съ пиликаніемъ Карайчевъ, производили странное дѣйствіе. Татарскія дѣвушки были одѣты въ лучшія свои платья; ихъ лица натерты густо румянами и улывлены мушками; зубы, вѣки и брови начернены; словомъ, все было употреблено, чтобы пригожество, по ихъ вкусу, выказать въ полномъ блескѣ. Но это удовольствіе не долго продолжалось; потому что чрезъ три часа начали всѣ развѣзжаться, одни съ стѣсненнымъ, другіе съ полнымъ удовольствіемъ сердцемъ. На дорогѣ я встрѣтилъ веселаго молодого Татарина, въ великомъ восторгѣ возвращавшагося отъ зрѣлища столькихъ красотъ. Онъ пѣлъ: „я смотрѣлъ на милыхъ, какъ коршунъ смотритъ на свою добычу: милыя смотрѣли на меня, какъ кошка, съѣвшая масло.“

ТАТАРСКІЯ УЧИЛИЩА.

Всякому завѣзшему, безъ сомнѣнія, странно покажется найти въ Казанскихъ Татарахъ, говоря вообще, народъ болѣе образованный, нежели нѣкоторые, даже Европейскіе. Татаринъ, неумѣющій читать и писать, презирается своими земляками, и, какъ гражданинъ, не пользуется уваженіемъ другихъ. По сему-то всякой отецъ ста-

рается, какъ можно ранѣе записать дѣтей своихъ въ училище, гдѣ бы они выучились по крайней мѣрѣ читать, писать и узнали бы начала своей религіи. Для споспѣшествованія сему при каждой мечети полагается училище, состоящее подѣ особеннымъ надзоромъ Ахуна; Мулла мечети здѣсь учитель, ежедневно занимающійся обученіемъ всѣмъ этимъ предметамъ. Въ здѣшнихъ двухъ Татарскихъ слободахъ находится 8 мечетей, и при нихъ только 4 училища, въ коихъ однакожъ много учениковъ. Ихъ способъ ученія имѣетъ нѣчто особенное отъ нашего: развѣ въ немъ можно найти нѣкоторое отдаленное сходство съ пансіономъ. Домъ для училища покупается какимъ нибудь богатымъ Татаринѣмъ; отопленіе и потребныя починки его беретъ на себя, изъ угожденія Богу, другой Татаринъ на одинъ годъ, или болѣе. Внутри такого дома находится, кромѣ малыхъ сѣней, одна большая комната, въ которой, какъ въ театрѣ для сцены, полъ возвышенъ на нѣсколько ступеней. На этомъ восвышеніи располагаются такъ, что учителю, его помощнику и ученикамъ, достается мѣсто каждому шага въ полтора для подушки, ящика, посуды, книгъ и письменнаго прибора. Помощникъ учителя и ученики въ одной и той же комнатѣ и учатся и ведутъ свое хозяйство; даже, ежели бы кто изъ нихъ сдѣлался боленъ, то долженъ въ самомъ училищѣ лежать на своей подушкѣ до окончанія болѣзни.

Учитель въ такомъ случаѣ заступаетъ для больнаго мѣсто врача, и лѣчитъ его простыми средствами. Подушки учителей отдѣляются отъ ученическихъ занавѣскою изъ пестрой матеріи. Надъ мѣстомъ, учителемъ занимаемымъ, на прибитыхъ къ стѣнѣ полкахъ, кладутся нужныя для ученія книги. Тутъ же часто можно видѣть и чеботарной приборъ: учитель учитъ и чинитъ сапоги, какъ себѣ, такъ и ученикамъ своимъ.

Дѣти поступаютъ въ училище на 7-мъ или 8-мъ году своего возраста; курсъ ихъ ученія продолжается по меньшей мѣрѣ 5 лѣтъ. Тѣ же, кои посвящаютъ себя наукамъ, т. е. желаютъ со временемъ сдѣлаться священнослужителями, или учителями, остаются въ школь гораздо долѣе.

Ученіе начинается азбукою, послѣ которой читаютъ книгу Гавдіакъ, содержащую въ себѣ извлеченія изъ Алкорана, отчасти сокращенно, отчасти же цѣлыми сурами (такъ называются главы въ Коранѣ). Потомъ читаютъ Татарскія книги, печатанныя здѣсь въ Казани: Пиргули, Субатулгазинъ, Фаузулназатъ, Стуани, въ коихъ заключаются изъясненія на Коранъ въ стихахъ, или прозѣ, и наконецъ книгу Мухамед-Ефенди, содержащую въ себѣ наставленія въ торговль (*), а иногда Грамматику (Наху) Арабскаго языка.

(*) Торговля составляетъ, можно сказать, единственное занятіе здѣшнихъ Казанскихъ Татаръ. Кто имѣетъ хотя малый капиталъ, тотъ старается обратить его въ товаръ и ведетъ торгъ весьма различный. Одни съ большимъ

Кромѣ чтенія и основаній магометанской религіи здѣсь учатся и Арабскому языку столько, сколько то нужно для поверхностнаго разумнїя Алкорана; также Персидскому и Бухарскому. Языкамъ этимъ они учатся, какъ для облегченія сношеній по торговль. такъ и для того, чтобы умѣть читать Турецкія книги, въ коихъ весьма часто встрѣчаются Арабскія и Персидскія слова, и писать высокимъ слогомъ, который состоитъ единственно въ примѣшиваніи безъ разбора къ Татарскимъ словамъ Арабскихъ, Персидскихъ и Турецкихъ. Но тутъ не учатъ языку Татарскому по правиламъ Грамматики; Татаринъ, говорятъ они, языку своему долженъ выучиться отъ матери, а потому и ненужно платить за то деньги въ училище. Замѣчательно, что здѣшніе Татары, находясь среди Русскихъ, съ которыми и по торговль имѣютъ многія сношенія, такъ мало стараются знать Русскій языкъ. Нѣтъ изъ нихъ почти ни одного, который бы хорошо говорилъ на этомъ языкѣ, а еще менѣе такихъ, кои бы умѣли писать на немъ. На вопросъ мой, почему въ школахъ ихъ не обучаютъ по Русски, я полу-

---

капиталомъ ведутъ торговлю съ Китайцами, другіе съ Бухарцами, или съ Персіянами; иные обращаютъ капиталъ на издѣля своихъ фабрикъ, особенно же мыльных и проч.; менѣе достаточные торгуютъ въ разную шелковыми и бумажными матеріями; наконецъ бѣднѣйшіе продаютъ на разницу сѣно, овесъ и другіе припасы.

чилъ въ отвѣтъ, что такой ученикъ, по ихъ мнѣнію, сдѣлался бы негодяемъ, и не имѣлъ бы мѣста въ ихъ обществѣ.

Учитель (по Арабски Стоттъ, по Татарски же Халфа), вмѣстѣ и Мулла мечети, не живетъ въ самомъ училищѣ, но имѣетъ у себя помощниковъ, выбираемыхъ имъ изъ старшихъ учениковъ, кои и должны для надзиранія жить въ самомъ училищѣ. Онъ не получаетъ какого-либо опредѣленнаго дохода, но довольствуется подарками, отъ учениковъ ему приносимыми. Такіе подарки состоятъ изъ муки, меду, чаю, мѣдной монеты, въ маломъ однакожъ количествѣ, а иногда, къ большому какому празднику, ему дарятъ халатъ. Дѣти здѣшняго купца Суюрова каждую Пятницу приносятъ учителю своему въ подарокъ 8 караевъ хлѣба. Здѣсь, какъ и вездѣ, чѣмъ учитель взыскательнѣе и строже, тѣмъ больше получаетъ подарковъ отъ учениковъ своихъ, но и совсемъ тѣмъ его доходы не простираются больше ста рублей въ годъ. Когда я удивлялся столь малымъ доходамъ сихъ учителей, одинъ почтенный Ахунъ сказалъ мнѣ: Попросите вашего Господина Министра Просвѣщенія, чтобы онъ принялъ наши училища въ свое особенное попеченіе и покровительство. Мы желаемъ, чтобы дѣти наши обучались наукамъ, но не знаемъ средствъ къ достиженію сего; досель мы посылаемъ въ Бухару всѣхъ тѣхъ, кои хотятъ занять мѣсто ученаго священнослужителя, потому что

здѣсь они не имѣютъ случая и средствъ образоваться надлежащимъ образомъ!

Ученіе начинается по утру съ разсвѣтомъ. Въ это время Ахунъ наставляетъ учениковъ въ религіи. По четвергамъ повторяютъ пройденное въ цѣлую недѣлю; кто не хорошо отвѣчаетъ, того съкутъ, или сажаютъ въ подполье. Учители надзираютъ вмѣстѣ и за опрятностію учениковъ своихъ, и за исправленіемъ ихъ обязанностей: неисправные въ томъ или другомъ, равно какъ и тѣ, кои не молятся Богу днемъ по пяти разъ въ самомъ училищѣ, подвергаются такому же наказанію. Времени для отдохновенія учащимся нѣтъ; только въ Четвертокъ ученіе прекращается съ половины дня, и начинается опять по утру въ Субботу.

Для письма они употребляютъ перья Индѣйскаго пѣтуха, чернилы готовятъ изъ туши, растертой на водѣ, бумагу любятъ лощеную. Нѣкоторые ученики, въ продолженіи курса ученія своего, иногда успѣваютъ прочесть весь Коранъ четыре раза. Они учатся, сидя на подушкѣ съ поджатыми подъ себя ногами, и читая на распѣвъ жалобнымъ, гнусливымъ голосомъ свои уроки: все это, взятое вмѣстѣ, составляетъ какое-то совершенно особенное зрѣлище. Такъ какъ ученики остаются въ школь безвыходно цѣлую недѣлю, то и избираютъ обыкновенно по жеребью такого, который долженъ приготовить имъ кушанье; потому что женщинъ здѣсь не бываетъ. У нихъ есть общій котель, въ кото-

ромъ варятъ себѣ салму, или пельмени. Каждый можетъ ѣсть свою долю, когда хочетъ; но обыкновенно они завтракаютъ въ 8 часовъ утра и обѣдаютъ въ 6 часовъ вечера.

Женскій полъ у Казанскихъ Татаръ получаетъ равнымъ образомъ извѣстную степень образованія, и между Татарками мало найдется такихъ, кои бы не умѣли надлежащимъ образомъ читать и писать. Онѣ учатся у жены Муллы здѣшней новой мечети: женщина эта имѣетъ большія способности для обученія ихъ симъ предметамъ. Я самъ видѣлъ прекрасно написанныя ея воспитанницами письма и нѣкоторыя Татарскія пѣсенки. Сверхъ того почти всѣ Татарки учатся у матерей своихъ, или родственницъ шитью; онѣ особенно занимаются вышиваніемъ золотомъ Татарскихъ сапожковъ и тебетеекъ; здѣсь онѣ обнаруживаютъ большое искусство и изобрѣтательность въ составленіи узоровъ.

ТАТАРСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

Она приняла свое начало въ 1802 году. Содержатель ея былъ Татарскій купецъ Бурашевъ, который въ теченіе трехъ лѣтъ напечаталъ слѣдующія Татарско-Арабскія книги:

- 1) 11,000 экзем. Татарской азбуки.
- 2) 7,000 экзем. 7-й части Алкорана.
- 3) 1,200 экзем. Пиргули.
- 4) 3,000 экзем. Фауджиль-Наджидъ.
- 5) 3,000 экзем. Суббатуль-Газизинъ.

- 6) 3,000 экзем. Стуани.
- 7) 2,000 экзем. полного Алкорана.
- 8) 1,000 экзем. Алкорана въ 30-ть частей,
(Гафтїякъ).

При другомъ содержатель типографіи, Юсупъ Апанаевъ напечатано, въ 1806 году :

- 1) 19,000 экзем. Татарской азбуки.
- 2) 3,000 экзем. 7-й части Алкорана.
- 3) 1,000 экзем. Пиргули.
- 4) 1,200 экзем. Стуани.
- 5) 1,200 экзем. Суббатуль-Газизинь.
- 6) 1,500 экзем. полного Алкорана.

Въ слѣдующихъ годахъ часто печаталось огромное число Татарскихъ азбукъ и 7-й части Алкорана : при содержатель, купецъ Юнусовъ, вышли очень красивыя изданія полного Алкорана, въ листъ, содержащаго въ себѣ до 121 листа. Алкоранъ этого изданія продается на ярмаркѣ Нижегородской по 25 рублей, въ переплетѣ.

Работающіе въ типографіи всѣ изъ Татаръ ; но только бумага и чернила покупаются у Русскихъ. Въ этой Азіатской типографіи я замѣтилъ особенную дѣятельность въ то время, когда были Библейскія Общества. Татары тогда съ такимъ же рвеніемъ старались распространить свои духовныя книги, какъ и мы.

Сверхъ того въ этой же типографіи напечатаны сочиненныя Лекторомъ Ибрагимомъ Хальфинымъ : Татарская Грамматика и собранныя

имъ же Хрестоматія; и словарь Татарскаго языка, изданный священникомъ Троянскимъ.

Не могу не упомянуть здѣсь о хитрости, употребленной содержателемъ Бурашевымъ, при изданіи одной духовной книги, напечатанной здѣсь же въ 1802 году. Бурашевъ, для интересу своего, въ книгѣ подъ названіемъ: Фаужуль-Наджадъ, прибавилъ нѣсколько листовъ, въ пользу исповѣданія Шейтовъ, вѣроятно для того, чтобы могъ ее съ выгодною продавать и Персіянамъ; но послѣ восмилѣтняго о семъ процесса, этотъ Бурашевъ обвиненъ былъ въ святотатствѣ Казанскими Татарами, принадлежащими къ исповѣданію Сунны. Прибавленные къ этой книгѣ листы были выдраны и сожжены при Муллахъ и Русскихъ чиновникахъ.

ПРИЕМЪ ИНОСТРАННЫХЪ ГОСТЕЙ У ТАТАРЬ.

Однажды послѣ обѣда мы поѣхали къ знакомому Татарскому мѣщанину, который приглашалъ насъ къ себѣ. Онъ встрѣтилъ насъ у воротъ съ большою вѣжливостію, ввелъ въ комнаты, и посадилъ на канапе. Самъ онъ былъ только въ нижнемъ платьѣ: длинномъ до колѣнъ камзолѣ и въ легкомъ Бухарскомъ халатѣ; жены его тутъ не было. Хозяинъ поставилъ на столъ нѣсколько тарелокъ съ кедровыми орѣхами, изюмомъ и проч.; столъ покрытъ былъ пестрымъ

Персидскимъ тканьемъ изъ хлопчатой бумаги. Мы разговаривали о торговль, очень знакомой нашему хозяину, и особенно о торгъ мѣхами, имъ производимомъ. Покупая въ Казанской губерніи мѣха бѣлицы, горностаицы, норковые и мѣха другихъ малыхъ звѣрковъ, онъ продаетъ ихъ Московскимъ купцамъ, кои въ великомъ множествѣ отправляютъ ихъ въ Кяхту, для промѣна на китайку, родъ цвѣтной Китайской бумажной матеріи.

Наконецъ пришла и жена его: дамы, съ нами бывшія, поцѣловались съ нею. По прошествіи получаса поставили на столъ большое блюдо супа, въ которомъ плавали маленькіе, продолговатые, похожіе на уши пирожки, начиненные рубленнымъ мясомъ. Мы ѣли этотъ супъ деревянными ложками, (ибо сдѣланныя изъ металла имъ запрещено употреблять) и нашли, что вкусъ его пріятенъ. Супъ этотъ есть родъ бульона, приготовленнаго съ лукомъ и перцемъ, иногда съ кислымъ молокомъ, или уксусомъ, и называется вмѣстѣ съ пирожками пельменями. Потомъ подали курицу, мелко изрѣзанную, съ солеными огурцами.

Въ продолженіи стола, хозяинъ намъ прислуживалъ; жена же его ѣла потомъ, особо отъ насъ, въ углу комнаты, задернувши при томъ занавѣски, чтобы мужчины не видали, какъ она ѣсть.

Вскорѣ послѣ сего подали чай, но безъ молока: въ послѣднія чашки прибавлялась водка.

Передъ чаемъ и послѣ, насъ подчивали нѣсколь-
ко разъ Донскимъ виномъ, котораго однако хо-
зяинъ нашъ и не отвѣдывалъ, но пилъ вмѣстѣ
съ нами пуншъ. Мы еще болѣе часа разговари-
вали и нашли въ хозяинъ нашемъ умнаго чело-
вѣка, который отвѣчалъ хорошо на всѣ наши
вопросы. Онъ принуждалъ насъ еще нѣсколько
разъ пить вино, но въ 8 часовъ мы разстались
съ нимъ, и нашли у воротъ его готовыя сани
съ пуховыми подушками, для насъ пригото-
вленными, и сынъ его насъ провожалъ, распѣ-
вая дорогой Татарскія пѣсни.

Всѣ Татары Казанской губерніи состоятъ изъ
купцовъ, мѣщанъ и пахатныхъ крестьянъ;
весьма немногіе между купцами у нихъ
носятъ имя князей, которое усвоили се-
бѣ отъ своихъ предковъ, бывшихъ Мур-
зами при владычествѣ Хановъ. Въ городѣ
Казани находятся князя Замановы, имѣющіе
хорошіе мыльные заводы. Князь Исай Замановъ
отличался вѣрностію своею къ Россійскому Пре-
столу, бывъ употребленъ на службѣ противъ
бунтовщика Пугачева, и за свои заслуги полу-
чилъ отъ Императрицы Екатерины зо-
лотую медаль на Андреевской лентѣ. Его сынъ
Ахметъ, также имѣлъ нѣсколько медалей. Дѣти
сего послѣдняго, Валидъ и Мустафа нынѣ от-
личаются издѣліемъ хорошаго мыла. Князь Яу-

шевъ былъ плохимъ переводчикомъ въ Губернаторской Канцеляріи; также и князь Ибрагимъ Богдановъ, бывшій въ той же должности, не лучше того. Ихъ сыновья нынѣ наборщиками и батырщиками въ Татарской типографіи, состоящей при Казанскомъ Университетѣ. Князь Сейтовъ въ пригородкѣ Урѣ извѣстенъ выдѣлкою кумачей.

Нѣкоторые изъ Татаръ вступаютъ въ Государственную службу, на пр. Г. Хальфинъ, бывшій учителемъ Татарскаго языка въ Казанской Гимназіи, Г. Алкинъ, нынѣ частный приставъ, и нѣсколько другихъ. Всѣ, на службу находящіеся, Татары имѣютъ на головѣ волосы и одѣваются по Европейски; но, собираясь въ мечеть, они одѣваются въ національное свое платье и покрываютъ голову чалмой, или турбаномъ, чтобъ не было видно волосъ. Крѣпостныхъ Татаръ въ Казанской Губерніи нѣтъ.

Казанскіе Татары, какъ заводчики, отличаются слѣдующими издѣліями: на заводахъ князя Заманова, Юнусова, Арсаева, Апанаева и Якубова готовится ежегодно около 50,000 пуд. хорошаго мыла. На 2 заводахъ Юнусова, на 2 Апанаева и на заводѣ Усманова выдѣлывается ежегодно до 150,000 козловъ, посылаемыхъ въ Кяхту. На заводахъ Юнусова и Арсаева ежегодно выливается до 20,000 пуд. сальныхъ свѣчъ, отправляемыхъ въ С. Петербургъ. Кромѣ сихъ упомянутыхъ 2-хъ большихъ заводовъ, много

въ Казани находится для сего издѣлія маленькихъ. Китаечныхъ въ Казани у Татаръ фабрикъ 5, а именно: купцовъ Апакова, Азимова, Уразова, Абдулина и Бикмогометова. Они распродають свои товары на ярмаркахъ въ Оренбургской Губерніи. Сверхъ того между 2-хъ Татарскихъ слободъ находится поташный заводъ купца Алишева, гдѣ вываривается ежегодно до 5000 пуд. поташа. Немаловажными изъ ихъ фабрикъ почитаются 2-хъ купцовъ Абдулина и Файсулина, гдѣ въ большомъ количествѣ вышиваются шелкомъ и золотомъ такъ называемые ичеги, или ботинки. Этою работою занимаются не только Татарскія женщины, но и весьма многія Русскія дѣвушки. Кромѣ этихъ двухъ большихъ фабрикъ, вышиваніемъ ичеговъ занимаются многіе Татары.

Татары менѣе страдаютъ болѣзнями, нежели Русскіе. Татаринъ, достигши совершенныхъ лѣтъ, начинаетъ наблюдать во всемъ умѣренность. Однакожъ они болѣе страдаютъ отъ болѣзней печени и нижней части живота. Очень многіе изтреблены были холерою. Они также подвержены поносамъ, которые бывають у нихъ опасны обыкновенно въ жаркое лѣто, особливо во время Нижегородской ярмарки, откуда они привозятъ эту болѣзнь сюда. Лекарство принимаютъ они охотно. Не имѣя своихъ собственныхъ врачей, они приглашаютъ здѣшнихъ Русскихъ или иностранныхъ медиковъ; но за труды ихъ платятъ очень скупо, или ничего.

Почти никогда не найдешь Татарина, который бы хорошо и чисто говорил и выговаривал по Русски, а еще труднее между ними найти, кто бы могъ правильно читать и писать на этомъ языкѣ.

Они не стараются учиться по Русски, а довольствуются говорить кое-какъ, по привыку.

У Татаръ нашель я одно только косметическое средство: короткая палочка, получаемая изъ Бухаріи, имѣющая въ себѣ вязкую горечь, подъ названіемъ: Мъсвѣтъ-агачъ. Татарскіе купцы всякой разъ передъ тѣмъ временемъ, когда идти въ мечеть, трутъ себѣ зубы и десны, чтобъ не пахло изо рту.

Татары почитаютъ Христіанъ нечистыми за то, что у нихъ есть образа и что они употребляютъ въ пищу свинину.

О Богослуженіи въ Россійской Церкви они понятія не имѣютъ, потому что не пускаются въ храмъ; но думаютъ, что Церковная служба состоитъ въ колокольномъ звонѣ и въ поклоненіи иконамъ, носимымъ по улицамъ. Молодые Татары иногда бываютъ въ Протестантской Церкви, и, не понимая языка, думаютъ, что служба состоитъ только въ органахъ и притомъ въ вертѣніи оныхъ рукой. Объ этомъ послѣднемъ пунктѣ такъ думаютъ и многіе простолюдины изъ Русскихъ.

Татары своимъ фамилнымъ именамъ придаютъ Русскія окончанія, на пр. Апанаи — Апанаевъ, Заманъ — Замановъ, Юнусъ — Юнусовъ.

Они считаютъ годы по Христіанскому лѣтосчисленію, и мѣсяцы называютъ по Европейски. Религіозныя ихъ праздники однакожъ идутъ по теченію луны. Такимъ образомъ они 11-ю днями ежегодно идутъ впередъ, такъ что въ теченіе почти 35 л. праздники ихъ опять приходятъ въ прежній порядокъ.

Нынѣ у Татаръ богатыми почитаются купцы: Хубайдулла Юнусовъ, имѣющій болѣе 3 милліоновъ руб., Хузанинъ Апанаевъ и Апаковъ, имѣющій болѣе пол-милліона руб.; Абдряшитъ Юнусовъ до 2-хъ милліоновъ руб.; Курбангалей Арсаевъ, Искакъ Бушитовъ Якуповъ, Тимуръ-Булатъ Якуповъ, Давыдъ Джедигеровъ, Мустафа Лебяжинъ, Менглибай Козловъ болѣе пол-милліона руб. и нѣкоторые другіе, имѣющіе хорошіе капиталы.

Татары, разумѣется, изъ простонародія, также большіе охотники до кулачнаго боя, какъ и Русскіе мѣщане. Весною и осенью, въ хорошую погоду, подъ вечеръ, собираются на берегу озера Кабана кулачныя бойцы. Татары съ крикомъ толпою нападаютъ на Русскихъ, и тутъ атаки ихъ рѣдко проходятъ безъ окровавленныхъ лицъ. Я замѣтилъ, что въ этомъ боксированіи Татары имѣютъ преимущество передъ Русскими бойцами; но нынѣ это почти оставлено.

Татары охотно принимаютъ участіе и въ нашихъ публичныхъ увеселеніяхъ, въ театрахъ и маскарадахъ, а нѣкоторые, изъ почетныхъ

ихъ согражданъ , бѣваютъ на обѣдахъ , даваемыхъ по какому - нибудь случаю Казанскимъ купеческимъ обществомъ . Когда знаменитые путешественники посѣщали Казань , тогда я имѣлъ случай часто приглашать ихъ ко мнѣ на обѣдъ , куда званы были мною , изъ любопытства и для пестроты , также Ахунъ , Муллы и нѣкоторые изъ первостатейныхъ Татарскихъ купцовъ . Они охотно соглашались на мое приглашеніе и за столомъ ѣли только рыбное и молочное , не касаясь до мяснаго , и не пили иностранныхъ винъ , а только медъ и шербетъ .

Хотя женщинамъ ихъ и не дозволяется быть въ нашихъ публичныхъ собраніяхъ , но онѣ съ большою охотою прѣзжаютъ къ качелямъ , бывающимъ здѣсь въ Троицкую недѣлю на Арскомъ полѣ , и смотрятъ изъ своихъ кибитокъ , стоящихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ зрѣлища . Также во время весенняго разлива Казанки можно ихъ видѣть толпами у биржи на Булакѣ покупающихъ любимыя ихъ пестрыя фарфоровыя чашки и стаканчики . Изъ этого видно , что Татары и Татарки любятъ принимать участіе въ нашихъ увеселеніяхъ .

Мыщане Татарскіе торгуютъ мелочами , мясомъ , сырыми кожами , воскомъ , саломъ и пр . у Татарской Ратуши , гдѣ нарочно выстроено множество лавокъ ; но купцы Татарскіе уже торгуютъ съ Русскими въ общемъ гостиномъ дворѣ , близъ крѣпости . Замѣчательно , что здѣсь всѣ лавки , Татарами занимаемыя , находятся не

въ линіяхъ на улицу , занимаемыхъ Русскими , но всегда въ рядахъ внутреннихъ , обращенныхъ на дворъ.

О масляницѣ, по введенному изстари обычаю , прѣвзжаютъ въ Казань изъ близъ лежащихъ Татарскихъ деревень Татары , отъ 3, а иногда и до 5 тысячъ человекъ, и катаютъ Русскихъ по всѣмъ улицамъ за весьма малую цѣну ; но не смотря на дешевизну, всякій изъ нихъ въ эту недѣлю получаетъ отъ 20 до 30 руб. Каждый Татаринъ получаетъ для извоза билетъ отъ Полиціи, внося за него нѣкоторую сумму.

На Татарскомъ базарѣ, особенно зимою , собирается множество Татарскихъ мѣщанъ , которые покупаютъ у поселянъ , своихъ соплеменниковъ , слѣдующіе товары.

1) До 100,000 сырыхъ кожъ , привозимыхъ ежегодно въ городъ изъ за-Камы, изъ Уфы и окрестностей Оренбурга; въ томъ числѣ около 600,000 коровьихъ, по 6 руб. кожа, и 400,000 лошадиныхъ , по 5 руб., отправляютъ ихъ въ С. Петербургъ чрезъ Русскихъ купцовъ.

2) До 150,000 козьихъ кожъ, привозимыхъ Татарами изъ Уфы и изъ за-Камскихъ деревень. Каждая , невыдѣланная кожа , по 2 руб., онъ здѣсь на Татарскихъ заводахъ выдѣлываются.

3) Около 500,000 овчинокъ, изъ Ордынскихъ по 2 руб., а изъ Русскихъ овецъ по 1 руб. 80 коп. каждая. Онъ получаютъ изъ здѣшней и Оренбургской губерніи.

4) До 150,000 пудъ топленого сала, для свѣчей и для мыла Татарскихъ заводчиковъ. Оно покупается въ Оренбургской Губерніи, по 12 руб. за пудъ.

5) До 10,000 п. воску, изъ Казанской губерніи, особенно изъ за-Камскихъ Татарскихъ деревень. Пудъ стоитъ 47 руб.; воскъ отправляется въ Москву.

6) До 20,000 п. меду, по 18 руб. п. простаго, а отборнаго, по 34 руб. п.; отправляется на Ростовскую ярмарку.

Здѣсь говорится только о торговлѣ, производимой одними Татарами; но торговля Русскихъ несравненно выше.

Богатые Татарскіе купцы приглашаютъ иногда, или, лучше сказать, чаще всего бываютъ вынуждены приглашать къ себѣ на чай Губернатора и другихъ главныхъ чиновниковъ. Это бываетъ въ полдень. Послѣ чаю тотчасъ угощаютъ ихъ множествомъ разныхъ фруктовъ; потомъ на закуску подаютъ лучшую икру, и разнаго рода рыбу, при чемъ въ изобилии лѣтся Шампанское, котораго однакожъ сами хозяева не пьютъ. Многіе мелкіе чиновники также пользуются подобнымъ гостепріимствомъ Татаръ и бываютъ имъ въ тягость.

Татары нынѣ живутъ въ большомъ согласіи съ Русскими, и уже не слышно отъ Русскихъ нѣкоторыхъ жесткихъ, на счетъ Татаръ, словъ, которыя часто употреблялись, лѣтъ сорокъ тому назадъ. Однакожъ иногда кучера Русскіе по ули-

цамъ бранять Татарина, называя собакой, ежели онъ не скоро своротитъ съ дороги, чтобъ дать мѣсто проѣхать. Но Татаринъ, въ такомъ случаѣ, тихо бормочетъ подъ носъ: донгусъ, а про себя думаетъ: ты алкаферъ.

